

На правах рукописи

Новикова Татьяна Васильевна

**Формирование и развитие принципа автономии воли
в коллизионном регулировании гражданских отношений,
осложненных иностранным элементом**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора юридических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН).

Научный консультант: **Бегичев Александр Валерьевич**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН).

Официальные оппоненты: **Ерпылева Наталия Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор, профессор, руководитель департамента правового регулирования бизнеса факультета права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Монастырский Юрий Эдуардович, доктор юридических наук, профессор кафедры международного частного и гражданского права имени С.Н. Лебедева международно-правового факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»;

Стригунова Дина Павловна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Юридического факультета им. М.М. Сперанского ИПНБ Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет».**

Защита диссертации состоится 25 июня 2026 года в 11 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета ПДС 0900.009 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Зал №3.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Объявление о защите размещено на сайтах ВАК при Минобрнауки России (<https://vak.minobrnauki.gov.ru>) и РУДН (<https://www.rudn.ru/science/dissovet>).

Автореферат разослан « ____ » апреля 2026 года.

Ученый секретарь диссертационного совета ПДС 0900.009,
кандидат юридических наук

И. А. Гроник

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В современный период стремительное развитие средств сообщения и связи выступает движущей силой столь же стремительно развивающейся интенсификации частных отношений трансграничного характера. На этом фоне потребность в правовом регулировании таких отношений и, в первую очередь, в решении коллизионного вопроса (выборе компетентного правопорядка) превращается из экстраординарного феномена в высоко значимый вопрос повестки дня. Несмотря на усилия государств в области унификации материально-правовых норм, ограничения по сфере действия и кругу участников унифицирующих международных договоров, а также необходимость поиска субсидиарного статута за пределами их содержательного охвата объясняют непреходящую востребованность коллизионного метода регулирования международного частного права.

При этом жесткий характер классических коллизионных норм, основанных преимущественно на идее территориальной локализации, в сочетании с нарастающей потребностью в развитии международного гражданского оборота и обеспечении его адекватным правовым регулированием выразились в набирающей силу тенденции смещения акцента в вопросах правового регулирования на инициативные действия участников оборота, заинтересованных в избрании для себя наиболее благоприятного правового поля. На сегодняшний день наиболее ярким проявлением обозначенной тенденции является автономия воли, постулирующая возможность сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, самостоятельно выбирать применимое материальное право.

Начав развитие в области договорных обязательств трансграничного характера, автономия воли получила стремительное прогрессивное развитие как с точки зрения охвата правовых отношений (например, на основании раздела VI ГК РФ для вещных прав на движимые вещи, договорных и внедоговорных обязательств¹), так и с точки зрения объема предоставляемых сторонам возможностей (например, последующий выбор, депесаж и др.) в подавляющем большинстве юрисдикций.

В унисон международному тренду в международном частном праве Российской Федерации автономия воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, получила значимое развитие в результате реформы законодательства о международном частном праве в 2013 г., конкретизировавшей исследуемый принцип в многоуровневой системе согласованных норм², а также в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552. Режим доступа: СПС «Гарант».

² Федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5030.

в 2019 г., придавших новый импульс в применении норм международного частного права отечественными судами¹.

Вместе с тем, осмысление того факта, что решение коллизионного вопроса все более опосредуется не жесткими коллизионными нормами, а инструментами совершенно иного порядка, базирующимися на автономии воли участников оборота, создающими «регулятивный коллаж» по усмотрению сторон, выводящими правовое отношение из-под определенного или даже из-под всех вместе взятых правопорядков, составляет серьезный вызов современной доктрине международного частного права. Усиление отмеченных тенденций, которые, очевидно, набирают обороты и в Российской Федерации, и в подавляющем большинстве других стран, неминуемо влечет коренные сдвиги не только в ограниченной предметной области международного частного права, но и в правопонимании как таковом – по мере того, как государство и право конкурируют в удовлетворении потребностей участников международного гражданского оборота и становятся предметом выбора частных лиц.

В свете изложенного актуальность темы исследования может быть обоснована по целому ряду направлений. В *аксиологическом плане* автономия воли воспринимается как свобода человека, признаваемая за участниками международного гражданского оборота как имманентная, обусловленная естественным и разумным восприятием правовых отношений, простирающихся в территориальных пределах нескольких юрисдикций. Вместе с тем, с точки зрения суда или арбитража, охват и пределы выбора материального права сторонами отношения подчиняются установленным законодательством или в соответствии с ним правилам, что актуализирует вопрос о соотношении ценностного компонента автономии воли с правовыми механизмами ее реализации.

В *социальном плане* рост актуальности автономии воли прямо пропорционален росту числа трансграничных отношений частных лиц, при этом последний за счет развития в XXI веке цифровых сервисов, дающих доступ к товарам, услугам и информации практически из любой точки планеты, меняет не только социальный уклад, но и правовую реальность. Как следствие, значительный пласт правовых отношений выводится из поля действия национального гражданского права, будучи за счет автономии воли сторон и типовых форм контрактов подчиненным иностранному праву, коллажу различных международных договоров и негосударственных регуляторов. Антропоцентричный взгляд на частное право актуализирует осмысление формируемой за счет этого регулятивной конкуренции в глобальном масштабе и той роли, которую государство способно сохранить в такой парадигме.

В *экономическом плане* автономия воли рассматривается как бустер международного гражданского оборота за счет субъективно оцениваемого участниками удобства правового режима и его предсказуемости, позволяющих в совокупности снизить юридические риски вступления в трансграничные

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 17 июля 2019 г. № 154.

частноправовые отношения. В этом смысле задача правовой надстройки определенно состоит в поиске путей дальнейшего содействия беспрепятственному развитию экономических отношений в международном масштабе.

Особенная актуальность на современном этапе, а вместе с тем коренное отличие и соответствующий по масштабу *исследовательский уровень темы* данной работы обуславливаются тем фактом, что траектория развития автономии воли в международном частном праве выводит ее на уровень принципа коллизионного регулирования общего действия, приобретающего или могущего приобрести значение далеко за пределами договорных и даже в целом гражданско-правовых отношений, включая случаи, когда соответствующая возможность прямо не провозглашена, но предлагается к признанию в общедозволительном ключе по формуле «разрешено все, что не запрещено законом» (например, в наследственных, трудовых и иных отношениях).

Соответственно, *в свете потребностей законотворчества*, осмысление автономии воли в качестве элемента системы принципов коллизионного регулирования в соотношении с ограничениями применения иностранного права и в более общем ключе с унифицированным материально-правовым регулированием актуально для понимания тех линий, по которым будет развиваться отечественное законодательство о международном частном праве.

Наконец, *в свете потребностей правоприменения*, по мере увеличения количества и усложнения содержания соглашений о применимом праве актуализируется оценка принципа автономии воли в свете судебной и арбитражной практики, накопленной после реформы раздела VI ГК РФ 2013 г. и, в особенности, после разъяснений Пленума Верховного Суда РФ 2019 г. в соотношении с тенденциями ее развития, получившими отражение в положениях Гаагских принципов 2015 г. и новейших правовых источниках зарубежных стран.

Изложенное обуславливает актуальность, своевременность и высокую значимость научной разработки формирования и развития принципа автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

Степень разработанности темы исследования. Зарождение самой идеи об автономии воли по традиции связывается с трудами Ш. Дюмулена. Идея французского юриста о коллизионном значении автономии воли в качестве фикции, позволяющей обосновать выбор наиболее удобного правопорядка, стала основанием концепции гипотетической воли, длительное время доминировавшей в правоприменительной практике и доктрине ряда юрисдикций. В таком качестве автономия воли получала осмысление в трудах авторитетных зарубежных ученых: Л. фон Бара, Дж. Биля, А. Кухна, Дж. Уэстлейка.

Вместе с тем, признание юридического значения подразумеваемой воли повлекло за собой и признание значения воли реальной. Даже после отказа от гипотетической воли, соглашения о выборе права не только продолжили применяться, но и получили прогрессирующее признание в подавляющем большинстве стран мира. В этом качестве автономия воли сторон гражданских отношений трансграничного характера рассматривается в работах зарубежных

правоведов: О. Ландо, А. Миллса, П. Найя, С. Пеари, Г. Рюль, С. Симеонидеса. Несмотря на наличие общей международной тенденции укрепления и расширения принципа автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, правила реализации автономии воли различаются в различных странах. Это не умаляет целесообразности обращения к зарубежной доктрине, однако актуализирует внимание к отечественным разработкам в исследуемой области.

В отечественном дореволюционном правоведении идея об автономии воли Ш. Дюмулена и признание выбора права сторонами договорного обязательства в практике Правительствующего Сената получали осмысление в трудах М. И. Бруна, Б. Э. Нольде, Т. М. Яблочкова. В советский период автономию воли в практике ВТАК исследовали Д. М. Генкин, Л. А. Лунц, Д. Ф. Рамзайцев. Оригинальную трактовку автономии воли в этот период представил А. А. Рубанов, однако ряд ее опорных точек (в частности, о допустимости выбора исключительно права страны и о запрете «юридической биотехнологии», т.е. депесяжа) были опровергнуты последующей эволюцией правового режима автономии воли.

Широкомасштабное признание и соответствующее осмысление в юридической литературе автономия воли сторон гражданских отношений международного характера получила в современный период отечественной истории. Так, автономии воли в целом и отдельным ее аспектам посвящен ряд кандидатских диссертаций, в числе которых работы Я. С. Куташевской («Автономия воли при определении права, применимого к обязательствам из причинения вреда»), О. Ю. Малкина («Автономия воли во внешнеэкономических сделках»), А. Б. Покровской («Соглашение о праве, применимом к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом»), С. В. Третьякова («Юридическая природа автономии воли в международном частном праве»), Н. В. Тригубович («Автономия воли в международном частном праве»).

Автономия воли в качестве одного из немаловажных вопросов рассматривается также в исследованиях, посвященных принципам международного частного права (в кандидатской диссертации Ю. М. Акимовой), а также правовому режиму договорных обязательств трансграничного характера (в докторских диссертациях и многочисленных работах А. В. Асоскова и Д. П. Стригуновой, в кандидатских диссертациях Е. И. Антоновой и А. М. Мирзоева). Проблемам применения принципа автономии воли сторон в правовом регулировании международных коммерческих договоров посвящена монография Д. П. Стригуновой.

Отдельные аспекты автономии воли участников гражданских отношений, международного характера рассматриваются в трудах М. П. Бардиной, Н. Г. Вилковой, И. В. Гетьман-Павловой, Н. Ю. Ерпылевой, И. С. Зыкина, В. А. Канашевского, М. Н. Кузнецова, М. В. Мажориной, М. Г. Розенберга, В. Л. Толстых и др. Разработки отечественных правоведов, несомненно, внесли весомый вклад в становление автономии воли в качестве принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных

иностранным элементом, заложив на доктринальном уровне прочный фундамент ее расширяющегося признания в законодательстве и правоприменительной практике.

Вместе с тем, наблюдаемое в новейшей истории большинства государств, в том числе Российской Федерации, стремительное развитие автономии воли, как с точки зрения перечня охватываемых правовых отношений (включая не только договорные обязательства, но также вещные права на движимые вещи, внедоговорные отношения и др.), так и с точки зрения широты возможностей сторон (последующий выбор, депсаж, условные соглашения, выбор вненациональных источников и др.), требует комплексного осмысления этого явления в свете реалий современной эпохи. При этом укрепление автономии воли и увеличение количества и сферы охвата конкретизирующих эту возможность норм трансформируют ее из правила сугубо договорного статута в общий принцип коллизионного регулирования. Это в свою очередь требует ревизии состава норм и принципов, обеспечивающих решение коллизионного вопроса, поиска места принципа автономии воли в таком составе и анализа тех изменений, которые экспансия исследуемого принципа влечет для остальных компонентов системы.

В свете названных реалий современного времени степень научной разработанности становления и развития автономии воли в качестве принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, нельзя признать достаточной. Ключевые работы, в той или иной мере посвященные автономии воли в целом, датируются началом 2000-х гг. и не учитывают реформу норм раздела VI ГК РФ 2013 г., разъяснения Пленума Верховного Суда РФ 2019 г. и иные изменения как сугубо правового, так и социального плана. Современные работы, в числе которых монография Д. П. Стригуновой и кандидатская диссертация Я. С. Куташевской, посвящены реализации автономии воли в отдельных видах гражданско-правовых отношений (договорных и внедоговорных обязательствах). Изложенное свидетельствует о том, что, во-первых, на современном этапе развития международного частного права постановка вопроса общего характера об автономии воли как об одном из принципов коллизионного регулирования допустима и уместна только на уровне исследования соответствующего уровня, а именно: докторской диссертации; и, во-вторых, исследование названного уровня и глубины, предлагающее осмысление автономии воли в качестве принципа коллизионного регулирования, учитывающее новейшие расширения с точки зрения как охвата ее реализации, так и содержания возможностей сторон и, в особенности, прослеживающее влияние наблюдаемого расширения на механизм коллизионного регулирования в целом, до настоящего момента не проводилось.

Кроме того, поиск места автономии воли в составе норм и принципов коллизионного права поднимает вопросы общего характера, которые до сего времени в науке международного частного права не только не исследовались, но и не ставились, в частности: 1) об обособлении в рамках международного частного права коллизионного права для целей построения логического ряда нормы – принципы; 2) об осмыслении принципов коллизионного права в качестве

системы, включающей объективно необходимые и в совокупности достаточные средства коллизионного регулирования; 3) о фрагментации регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, в объективном и субъективном смыслах.

Цели и задачи исследования. Цели исследования – формирование целостной концепции принципа автономии воли и теоретическое обоснование закономерностей развития правовых механизмов его реализации в системе принципов коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

Указанные цели предопределили постановку следующих задач:

- разработать целостную концепцию автономии воли как элемента бинарной системы принципов коллизионного регулирования;
- построением логического ряда нормы – принципы обосновать обособление коллизионного права в рамках международного частного права;
- предложить авторскую концептуальную модель автономии воли, разграничивающую ее статику и динамику в механизме коллизионного регулирования;
- определить правовое основание автономии воли как возможности сторон гражданских отношений международного характера избрать применимое материальное право;
- дать правовую квалификацию соглашения о выборе применимого права и оценить требования к его форме;
- определить закономерности становления и развития идеи об автономии воли в отечественном международном частном праве на материале дореволюционного, советского и современного периодов;
- определить специфику зарождения и развития идеи об автономии воли в международном частном праве стран романо-германской правовой семьи;
- дать оценку понимания и применения автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, в странах общего права;
- определить особенности концептуальных подходов к пониманию автономии воли как принципа коллизионного регулирования в странах азиатско-тихоокеанского региона, определить их значение в развитии исследуемого принципа и возможность восприятия отечественным международным частным правом;
- предложить методику разграничения сферы действия разделяющихся дихотомически принципов наиболее тесной связи и автономии воли;
- предложить трактовку принципа наиболее тесной связи как альтернативного принципу автономии воли в механизме коллизионного регулирования;
- предложить трактовку идеи защиты основ национального правопорядка как пределов реализации коллизионного выбора в пользу иностранного права, который уже совершен на основе принципов автономии воли или наиболее тесной связи;

– определить явление фрагментации в правовом регулировании частных отношений международного характера, усматривая их как в объективном сосуществовании различных норм, так и в субъективных возможностях сторон в рамках автономии воли;

– определить закономерности международно-правового закрепления автономии воли сторон договорных обязательств трансграничного характера;

– определить движущие силы прогрессивного развития принципа автономии воли и формирующуюся регулятивную конкуренцию в глобальном масштабе.

Объект исследования составляют общественные отношения, складывающиеся в связи с выражением воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, на выбор применимого права и признанием этого выбора при решении коллизионного вопроса в суде или арбитраже.

Предмет исследования составляют положения международных договоров и документов рекомендательного характера, отечественные и зарубежные нормы национального права, материалы практики судов и арбитражей, а также научные труды, отражающие отечественные и зарубежные подходы и обуславливающие формирование и прогрессивное развитие принципа автономии воли, который наделяет участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, возможностью избрать применимое к таким отношениям право.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной науке международного частного права разработана целостная концепция автономии воли как элемента бинарной системы принципов коллизионного регулирования, дихотомически разделяющейся на принцип автономии воли (конкретизируемый в многоуровневой системе управомочивающих норм, предоставляющих сторонам в определенных случаях и в установленных пределах возможность выбрать применимое право) и принцип наиболее тесной связи (конкретизируемый в коллизионных нормах, а в их отсутствие служащий непосредственно инструментом решения коллизионного вопроса).

В контексте данной концепции обоснована авторская модель автономии воли, в которой разграничены ее статика (существование) и динамика (реализация) в механизме коллизионного регулирования: в статике – в разрезе правотворчества – речь ведется о системе управомочивающих материально-правовых норм, а в динамике – в разрезе правоприменения – о соглашении сторон о применимом праве как результате реализации предоставленного им дозволения. Оба измерения в совокупности позволяют материально-правовыми средствами достигнуть цели коллизионного регулирования. Тестирование предложенной авторской модели подтвердило ряд исследовательских гипотез, в том числе 1) о первичности автономии воли на этапе выбора применимого материального права по отношению к каким-либо принципам такого материального права; 2) о квалификации соглашения о применимом праве как соглашения *sui generis* с соответствующими последствиями практического свойства (в частности, в отношении формы такого соглашения); 3) о тенденции прогрессирующего развития автономии воли как дозволения сторонам гражданского отношения, осложненного иностранным элементом, выбрать для себя «удобное» право.

Защищаемая концепция принципа автономии воли формирует объяснительную модель механизма коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, которая в свою очередь позволяет высветить и осмыслить новейшие трансформации правовой реальности в более широком плане, в том числе 1) отказ от цепочки: коллизионный вопрос – коллизионное право – коллизионная норма, в свете того, что решение коллизионного вопроса в современном мире обеспечивается не только коллизионными нормами, но и принципиально другим образом – за счет автономии воли сторон, посредством децентрализации и гибкости; 2) явление фрагментации в регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, которое проявляется как в объективном сосуществовании различных коллизионных и унифицированных материально-правовых норм, так и в субъективных возможностях сторон в рамках автономии воли, позволяющих и подбор «регулятивного коллажа», и расщепление поля правового воздействия; 3) концептуальное существование коллизионного (предварительного) вопроса в правовом регулировании всякого частноправового отношения, что в свою очередь, в свете обосновываемого дихотомического деления принципов коллизионного регулирования, позволило для принципа наиболее тесной связи разграничить представления о круге потенциально возможных иностранных элементов и об иностранном элементе, имеющем коллизионно-правовое значение в конкретном случае, а для принципа автономии воли – выявить трансформацию осмысления категории «правоотношение», оцениваемой за счет характеристик иных правоотношений (с иными субъектами, иным предметом).

Теоретическая значимость работы выражается в обосновании целостной концепции и авторской модели автономии воли как элемента бинарной системы принципов коллизионного регулирования, который наряду с принципом наиболее тесной связи, построенным на симбиозе территориальной локализации и избранных материально-правовых соображений, обеспечивает сугубо материально-правовыми средствами достижение цели коллизионного регулирования – выбор применимого права для гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

Выдвинутая концепция формирует объяснительную модель механизма коллизионного регулирования в международном частном праве и тем самым закладывает прочный фундамент как для решения более частных теоретических задач, так и для осмысления более общих явлений, ставящих вопрос о трансформации правовой реальности в новейшую эпоху.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов в правоприменительной деятельности при решении коллизионного вопроса, прежде всего, судом для определения права, применимого к гражданскому отношению, осложненному иностранным элементом. Выводы по результатам анализа практических аспектов реализации автономии воли в коллизионном регулировании могут использоваться для корректной оценки судом соглашений сторон о выборе материального права. Не меньшее значение результаты исследования могут иметь и для международного

коммерческого арбитража, в том числе локализованного в Российской Федерации, с учетом особенностей его деятельности, получивших отражение в работе.

Результаты исследования, в том числе выдвинутые на основе теоретического анализа предложения по совершенствованию действующего законодательства, могут быть использованы в законотворческом процессе. Учение об автономии воли как об одном из общих принципов коллизионного регулирования может быть особенно востребованным в случае постановки в Российской Федерации, в свете опыта отдельных дружественных стран, вопроса о кодификации или реформировании международного частного права.

Методология и методы исследования строятся на использовании совокупности общенаучных и частнонаучных методов познания.

Общенаучные методы представлены общелогическими методами познания (в числе которых анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия и др.) и системным подходом, которые в совокупности позволили обосновать концепцию принципа автономии воли в качестве элемента бинарной системы, а также проследить его конкретизацию в многоуровневой системе норм, уполномочивающих стороны в определенных случаях и пределах на выбор применимого материального права.

Частнонаучные методы представлены, прежде всего, историко-правовым и сравнительно-правовым методами, методом критического анализа и др. Историко-правовой метод широко применялся при исследовании формирования и развития автономии воли в качестве принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, на уровне законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации и ряда зарубежных стран, а также на уровне международных договоров и документов рекомендательного характера. При этом использование историко-правового метода не сводилось к простому описанию хронологической последовательности нормативных источников, правоприменительной практики и доктринальных взглядов в порядке констатации, а составило содержательный анализ развития идеи об автономии воли в последовательности сменяющих друг друга эпох с учетом особенностей не только правовых, но и политических, экономических и других условий жизни общества, который в свою очередь позволил выявить устойчивые тенденции в развитии анализируемой идеи, осмыслить основы ее современного функционирования и даже предсказать траекторию ее будущего развития.

Сравнительно-правовой метод применялся при сравнении ведущих концептуальных подходов к пониманию автономии воли как принципа коллизионного регулирования в отечественной и зарубежной доктрине, что позволило выявить в этой области цепь общих закономерностей, вне зависимости от принадлежности страны к той или другой правовой семье и специфики школ коллизионного права, и тем самым доказать состоятельность обосновываемой концепции автономии воли для отечественного международного частного права.

Метод критического анализа активно применялся при исследовании ключевых проблем формирования и развития и практических аспектов

реализации автономии воли в качестве принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

Для решения более частных исследовательских задач использовались такие частнонаучные методы, как формально-юридический – при построении авторской модели автономии воли, вычлняющей два этапа ее существования и реализации; юридикто-лингвистический – при определении значения слов и выражений нормативных источников, в том числе при сравнении разных языковых версий одного акта (например, Гаагской конвенции о праве, применимом к агентским соглашениям, 1978 г.); юридикто-телеологический – при телеологической редукции способов решения коллизионного вопроса в международном коммерческом арбитраже (например, на основе норм Закона «О международном коммерческом арбитраже») и др.

Теоретическую основу исследования составили:

– труды по международному частному праву и процессу отечественных правоведов дореволюционного и советского периодов – М. И. Бруна, Д. М. Генкина, Н. П. Иванова, В. М. Корецкого, С. Б. Крылова, А. Б. Левитина, Л. А. Лунца, А. Н. Макарова, А. Н. Мандельштама, Б. Э. Нольде, И. С. Перетерского, С. И. Раевича, Д. Ф. Рамзайцева, А. А. Рождественского, А. А. Рубанова;

– труды по международному частному праву и процессу отечественных правоведов современного периода – Л. П. Ануфриевой, Н. П. Асланян, А. В. Асоскова, М. П. Бардиной, М. М. Богуславского, Н. Г. Вилковой, И. В. Гетьман-Павловой, Г. К. Дмитриевой, Н. Г. Дорониной, Н. Ю. Ерпылевой, А. Н. Жильцова, В. П. Звекова, И. С. Зыкина, А. О. Иншаковой, В. А. Кабатова, В. А. Канашевского, В. В. Кудашкина, М. Н. Кузнецова, С. Н. Лебедева, М. В. Мажориной, А. Л. Маковского, О. Ю. Малкина, Н. И. Марышевой, Ю. Э. Монастырского, Т. Н. Нешатаевой, А. Б. Покровской, М. Г. Розенберга, Д. П. Стригуновой, В. Л. Толстых, С. В. Третьякова, Н. В. Тригубович, У. Б. Филатовой, Р. М. Ходыкина;

– труды по международному частному праву и процессу зарубежных правоведов – Л. фон Бара (L. von Bar), Дж. Биля (J. Beale), Р. Вайнтрауба (R. Weintraub), Фр. Вишера (Fr. Vischer), М. Вольфа (M. Wolff), Д. Каверса (D. Cavers), Б. Карри (B. Currie), Г. Кегеля (G. Kegel), О. Ландо (O. Lando), Р. Майнора (R. Minor), А. Миллса (A. Mills), П. Найя (P. Nygh), П. Норта (P. North), С. Пеари (S. Peari), Л. Раапе (L. Raape), Г. Рюль (G. Rühl), Ф. К. фон Савиньи (F. C. von Savigny), Р. Седлера (R. Sedler), С. Симеонидеса (S. Symeonides), Дж. Стори (J. Story), Дж. Уэстлейка (J. Westlake), Р. Филлимора (R. Phillimore), Дж. Чешира (G. Cheshire);

– труды по международному праву отечественных и зарубежных правоведов – А. Х. Абашидзе, Л. Н. Галенской, В. Э. Грабаря, Р. А. Колодкина, Р. А. Мюллерсона, Г. И. Тункина, а также Г. Кельзена (H. Kelsen), Дж. Ламмерса (J. Lammers), Л. Оппенгейма (L. Oppenheim), К. Парри (C. Parry), Ф. Раймондо (F. Raimondo), Г. Сульока (G. Sulyok), К. Фокарелли (C. Focarelli);

– труды по философии и теории права, гражданскому праву, гражданскому и арбитражному процессу – Т. Е. Абовой, С. С. Алексеева, А. В. Бегичева, В. А. Белова, В. В. Витрянского, О. С. Иоффе, М. Н. Марченко, С. А. Муромцева, В. С. Нерсисянца, В. А. Ойгензихта, И. П. Политовой, Е. П. Русаковой, В. Н. Урукова, Е. Е. Фроловой и др.

Нормативную основу исследования составили, прежде всего, Конституция Российской Федерации и нормативные правовые акты Российской Федерации. В исследовании отечественного международного частного права наибольшее внимание было уделено разделу VI ГК РФ (в первоначальной редакции и по результатам реформы 2013 г.). Исследовались также нормы Арбитражного процессуального кодекса, Гражданского процессуального кодекса, Закона «О международном коммерческом арбитраже». По мере необходимости рассматривались нормы иных отечественных законов, включая кодифицированные (Кодекс торгового мореплавания, Семейный кодекс) и некодифицированные (Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации»).

В числе ранее действовавших источников отечественного права рассматривались акты дореволюционного (Устав гражданского судопроизводства 1864 г.) и советского (в том числе ГПК РСФСР 1923 г., ГК РСФСР 1964 г., КТМ СССР 1929 и 1968 гг., Основы гражданского законодательства 1961 и 1991 гг.) периодов.

В числе международных договоров исследовались как договоры с участием Российской Федерации, так и договоры, в которых наша страна не участвует. При анализе становления принципа автономии воли основное внимание было уделено Кодексу Бустаманте и Гаагским конвенциям о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955 и 1986 гг. Важное значение имело обращение к международным договорам Содружества Независимых Государств, в частности, к Соглашению о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, а также к Минской и Кишиневской конвенциям о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам.

В числе документов международных организаций, органов и институтов исследовались различные по юридической силе акты Организации Объединенных Наций (в том числе ЮНСИТРАЛ), УНИДРУА, Гаагской конференции по международному частному праву, Института международного права, а также международных коммерческих арбитражей: Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Международного арбитражного суда Международной торговой палаты, Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма, Арбитражного учреждения Швейцарской палаты, Лондонского международного арбитражного суда.

В хронологическом порядке были рассмотрены международные договоры с участием государств-членов Европейских Сообществ и в настоящее время Европейского Союза, а также нормативные акты ЕС, в том числе Регламенты Рим I и Рим II. В числе иностранных нормативных источников были исследованы

нормативные правовые акты Азербайджанской Республики, Китайской Народной Республики, Королевства Бельгия, Кыргызской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Молдова, Республики Парагвай, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Федеративной Республики Бразилия, Швейцарской Конфедерации, а также провинции Квебек в Канаде и штата Луизиана в Соединенных Штатах Америки. Были также изучены Первый, Второй и текущий проект Третьего Свода законов о конфликте законов в Соединенных Штатах Америки.

Судебная и арбитражная практика исследовалась по актам судов Российской Федерации и зарубежных стран, а также международного коммерческого арбитража.

В числе отечественных судебных актов исследованы акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ (ретроспективно), арбитражных судов различных инстанций (Волго-Вятского, Восточно-Сибирского, Дальневосточного, Западно-Сибирского, Московского, Поволжского, Северо-Западного, Северо-Кавказского, Уральского, Центрального округов), судов общей юрисдикции различных инстанций (первого, второго, четвертого, восьмого кассационных округов). Всего исследовано более ста десяти актов судов РФ. В числе зарубежных судебных актов исследованы акты судов Австралии, Великобритании, Германии, Индии, Италии, Канады, Китая, США, Франции.

Практика международного коммерческого арбитража исследована по материалам решений МКАС при ТПП РФ. Всего исследовано более пятидесяти решений. Исследовались также акты Международного Суда ООН, Постоянной палаты международного правосудия, Суда Европейских Сообществ, Экономического Суда СНГ, Международного арбитражного суда Международной торговой палаты, МАК при ТПП РФ.

Положения, выносимые на защиту:

1. *Разработана целостная концепция автономии воли* как элемента бинарной системы принципов коллизионного регулирования, дихотомически разделяющейся на принцип автономии воли и принцип наиболее тесной связи.

В этой связи *обосновано* рассмотрение принципов коллизионного регулирования как бинарной системы, включающей два объективно необходимых и в совокупности достаточных для достижения целей системы элемента. Определяющим фактором, обусловившим *дихотомическое деление принципов*, выступает субъект, которому доверено или на которого возложено решение коллизионного вопроса – цель, которая определяет внешнюю обособленность и внутреннюю гомогенность рассматриваемой системы.

2. *Установлено*, что традиционное соотношение категорий норма – принцип (на базовом уровне первичными массовыми элементами права выступают нормы, на более высоком уровне они восходят к относительно немногочисленным принципам, выражающим главные, стержневые идеи соответствующего нормативного массива) в отечественном международном частном праве не наблюдается.

Во-первых, взгляд на международное частное право через призму триады оценок его системной принадлежности объясняет предложения правоведов присвоить ему принципы международного или национального частного права. Однако практическая проверка данных принципов (например, общих принципов права, признанных цивилизованными нациями, по смыслу подп. «с» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН, или основных начал гражданского законодательства по смыслу ст. 1 ГК РФ) позволила установить их нежизнеспособность в поле специального правового воздействия на предмет международного частного права.

Во-вторых, взгляд на международное частное право через призму относимых к нему правоведом норм подтверждает многокомпонентный и критически разнородный нормативный массив данной области права, который не позволяет обеспечить формирование для него немногочисленной (гомогенной) системы принципов.

Изложенным обоснована целесообразность обособления в рамках международного частного права коллизионного права для целей построения логического ряда нормы – принципы.

3. Предложена авторская концептуальная модель автономии воли, которая в отличие от иных накопленных отечественной наукой международного частного права подходов к пониманию правовой природы автономии воли разграничивает ее статику (существование) и динамику (реализацию) в механизме коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом. В статике – в разрезе правотворчества – речь ведется о многоуровневой системе управомочивающих материально-правовых норм, а в динамике – в разрезе правоприменения – о соглашении сторон о применимом праве как результате реализации предоставленного им дозволения. Оба измерения в совокупности позволяют материально-правовыми средствами достигнуть цели коллизионного регулирования.

4. Выявлено, что хотя в логическом ряду регулятивного процесса принципы и нормы коллизионного права первичны по отношению к материальному праву, в историческом и догматическом плане они являются надстройкой над материально-правовыми принципам и нормами, так как без коллизии действующей материи частного права разных юрисдикций не возникла бы необходимость и в снабжении этой материи коллизинными правилами.

На этом основании обоснован вывод о том, что хотя соглашение о правовом режиме гражданских прав и обязанностей сторон лежит в общей парадигме цивилистической договорной формы, оно не смешивается с иными договорными условиями и сохраняет автономность как в части своего целевого назначения, так и в части своего правового основания. Соответственно, доказано, что автономия воли, постулирующая возможность сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, избрать применимое право, и пределы ее реализации определяются непосредственно и исключительно управомочивающей нормой, для судов закрепленной в рамках свода коллизионных норм *lex fori*, а для арбитражей – аналогичной нормой редуцированного к альтернативе «выбор сторон или выбор арбитража» положения *lex arbitri*.

Сформулированный теоретический вывод обосновывает целесообразность внесения изменений в действующее законодательство Российской Федерации. В частности, предложено во втором абзаце п. 1 ст. 1186 ГК РФ заменить слово «особенности» на слово «порядок» и установить: «Порядок определения права, подлежащего применению международным коммерческим арбитражем, устанавливается законом о международном коммерческом арбитраже».

5. *Обосновано*, что соглашение о применимом праве представляет собой соглашение *sui generis* и не выступает сделкой по смыслу ст. 153 ГК РФ в той мере, в какой оно не нацелено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Такое соглашение регламентируется, в том числе в вопросах формы, непосредственно и исключительно специальными нормами, которые санкционируют автономию воли сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

В свете современного гибкого стандарта соглашений о праве, допускающего взаимозаменяемые прямо выраженные и «подразумеваемые» соглашения, выводимые из позиций представителей сторон в процессе, ссылок в тексте договора на отдельные гражданско-правовые нормы и даже наличия соглашений о применимом праве между теми же лицами, но в иных договорах, *аргументировано*, что само понятие «форма» является условным для такого рода соглашений.

6. *Восполнен пробел научного знания* о дореволюционном периоде развития идеи об автономии воли в отечественном международном частном праве. *Доказано*, что хотя ст. 707 Устава гражданского судопроизводства 1864 г. предписывает императивную коллизионную норму, практика ее применения Правительствующим Сенатом (и оценка этой практики виднейшими правоведами того времени) свидетельствуют о признании в дореволюционном отечественном праве автономии воли сторон обязательства в вопросе выбора материального права.

На материале отечественного международного частного права дореволюционного, советского и современного периодов в совокупности, *установлена закономерность* прогрессивного развития автономии воли как имманентно присущей сторонам возможности выбирать применимое право и доказано приобретение ей в настоящее время *качества общего принципа* коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом (в противовес правилу отыскания договорного статута).

Установлено, что в современном международном частном праве Российской Федерации автономия воли получает конкретизацию в многоуровневой системе согласованных норм, управомочивающих стороны гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, выбирать материальное право и отражающих ее феноменальное прогрессивное развитие как с точки зрения объема предоставленных сторонам возможностей (признание последующего выбора, подразумеваемых соглашений, депесяжа), так и с точки зрения перечня отношений, в которых сторонам разрешается выбирать применимое право (для вещных прав на движимое имущество, договорных и внедоговорных обязательств).

7. Установлен феномен развития автономии воли как принципа коллизионного регулирования в международном частном праве стран романо-германской правовой семьи, состоящий в том, что первоначальное юридическое признание данного принципа в ряде названных стран, включая Францию, Германию, Россию, произошло отнюдь не посредством закона как основного источника права, а на уровне правоприменительной практики. *Отмеченный феномен доказывает*, что возможность выбора применимого материального права рассматривается в практике решения коллизионного вопроса как априорно присущая сторонам договорного обязательства трансграничного характера, а идея об автономии воли – как самодостаточная, не требующая специального санкционирования, обусловленная естественным и разумным восприятием правовых отношений, простирающихся в территориальных пределах нескольких юрисдикций.

8. *Доказано*, что признание автономии воли, по меньшей мере для договорных отношений, осложненных иностранным элементом, не зависит ни от принадлежности к той или другой правовой семье, ни от специфики школ коллизионного права, ни даже от санкционирования этой возможности на каком-то официальном уровне.

Выявлено, что признание реального волеизъявления сторон стало следствием фикции о коллизионном значении воли подразумеваемой. Анализ же дальнейшего развития *доказал*, что суды устойчиво признают соглашения сторон о применимом праве, опираясь скорее на здравый смысл, нежели на какие-либо официальные санкции. Последнее, вместе с тем, не исключает различий в конкретных правилах реализации автономии воли, что иллюстрировано различием в подходах в рамках стран общего права: от предельно либерального стандарта, в русле традиции стран континентального права, в Великобритании до весьма ограниченного, в свете специфической концепции правительственного интереса, во многих штатах США.

9. На материале китайского международного частного права, представляющего пример признания принципа автономии воли на уровне общего положения специального закона, *обосновано*, что включение такого общего положения в раздел VI ГК РФ могло бы быть разумным, поскольку объединило бы в систему отдельные управомочивающие нормы и имело значимую идеологическую нагрузку, как с точки зрения единообразия правоприменительной практики в текущий момент, так и с точки зрения понимания тех линий, по которым может ожидать развитие нормотворческой деятельности в будущем.

На фоне нарастающего укрепления принципа автономии воли в коллизионном регулировании *предложено осмысление* того, что в современном трансформирующемся мире решение коллизионного вопроса обеспечивается не только коллизионными нормами, построенными, прежде всего, на жесткой формуле территориальной локализации, но и принципиально иным образом – за счет автономии воли сторон, посредством децентрализации и гибкости. Предложенная установка позволяет отойти от искусственной цепочки: коллизионный вопрос – коллизионное право – коллизионная норма, развивая вне

узко доктринальных оков институты, нацеленные на эффективное обеспечение коллизионного выбора, и применяя эти новейшие институты в новейшем, стремительно меняющемся мире.

10. *Заявлен тезис* о том, что концептуально коллизионный (предварительный) вопрос имеет место в механизме правового регулирования всякого частного отношения, и *обосновано различие* в методике определения сферы действия разделяющихся дихотомически принципов наиболее тесной связи и автономии воли.

Сфера реализации принципа наиболее тесной связи и выражающих его коллизионных норм определена положительно – через попытку поименовать категории отношений, осложняемых какими-то иностранными элементами. В этой связи *разграничены представления* о круге потенциально возможных иностранных элементов и об иностранном элементе, имеющем коллизионно-правовое значение в конкретном случае. Первый, как правило, упоминается в вводных статьях законодательства о международном частном праве и преследует цель в общих чертах описать предмет его воздействия, а второй непосредственно влечет постановку коллизионного вопроса и в этом смысле может иметь юридическое значение только в силу определенной коллизионной нормы.

Сфера реализации принципа автономии воли, находящего выражение в системе норм, управомочивающих стороны на выбор применимого права, определена отрицательно – через отказ в признании данной возможности исключительно в случаях, когда иностранный элемент «полностью отсутствует». В этой связи *обоснован вывод* о трансформации категории «правоотношение» – одной из центральных категорий правового бытия – в поле международного частного права. Новейшее развитие высвечивает практическое расширение оценки правоотношения в целях признания за ним «международного» характера посредством оценки характеристик иных правоотношений (с иными субъектами и иным предметом). *Выявленная трансформация* оценки категории «правоотношение» в скорее даже экономическом, а не юридическом контексте свидетельствует о коренных сдвигах в новейшем правопонимании и расширении сферы реализации норм и принципов коллизионного права, в частности, и международного частного права, в целом.

11. *Обосновано*, что за пределами сферы действия принципа автономии воли в международном частном праве (в случаях, когда сторонам не предоставлена возможность выбора правопорядка либо такая возможность ими не реализована) принцип наиболее тесной связи составляет единственный (универсальный) принцип коллизионного регулирования, который служит на правотворческом уровне в качестве идейной основы для разработки классических коллизионных норм, а на правоприменительном – в качестве действующего инструмента решения коллизионного вопроса. Универсальный характер принципа наиболее тесной связи обоснован тем, что в ходе развития в дополнение к территориальной локализации данный принцип аккумулировал значимые материально-правовые соображения, заслуживающие учета на этапе решения коллизионного вопроса.

Хотя на всех этапах становления и развития принцип наиболее тесной связи представляется именно как *правовая* категория, *установлено*, что чем больше он придает значение содержанию избираемого правопорядка, тем больше обеспечивает привязку к определенному, осмысленному и оцененному, праву (в противовес государству как форме организации общества) и тем больше сближается с принципом автономии воли, подтверждая, таким образом, общую тенденцию материализации механизма коллизионного регулирования.

12. *Обосновано*, что защита основ национального правопорядка не образует самостоятельный принцип коллизионного регулирования, потому что сама по себе не обеспечивает достижение стоящей перед ним цели – решение коллизионного вопроса, т.е. выбор материального права для гражданского отношения, осложненного иностранным элементом.

Институты, направленные на защиту основ национального правопорядка, в ряду которых оговорка о публичном порядке и нормы непосредственного применения, в судебном правоприменении составляют пределы реализации коллизионного выбора в пользу иностранного права, который уже совершен на основании принципов коллизионного регулирования: сторонами – в силу принципа автономии воли или судом – за счет коллизионной нормы, выражающей принцип наиболее тесной связи. В свою очередь международный коммерческий арбитраж, даже действуя в рамках инфраструктуры специального законодательства, содействия и контроля государства локализации, строго юридически не привязан к установленному для судов своду коллизионных норм, в связи с чем данный фильтр, если он не будет предвосхищен арбитражем в свете цели вынести исполнимое решение, активируется при введении уже вынесенного арбитражного решения в правовое поле государства исполнения.

13. *Установлено явление фрагментации* современного правового регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, которое проявляется, во-первых, в объективном сосуществовании различных коллизионных норм в национальном законодательстве и многочисленных международных договорах с различным количеством участников и отличающимися сферами действия, а также унифицированных материально-правовых норм с особенностями того же рода; во-вторых, в субъективных возможностях сторон в рамках автономии воли, позволяющих как подбор «регулятивного коллажа» правовых и неправовых источников по своему усмотрению, так и расщепление поля правового воздействия на различные аспекты взаимоотношений сторон.

14. На уровне международных актов *определена закономерность* развития идеи об автономии воли участников гражданских (прежде всего, договорных) отношений, осложненных иностранным элементом, и *установлена ее существенная особенность* – прогрессивное развитие содержания данного принципа хронически опережает готовность государств к фиксации этого содержания на уровне юридически обязательного инструмента. Такая закономерность имеет научную ценность не просто в порядке констатации явлений объективной реальности, но позволяет выдвигать гипотезы в отношении будущего развития принципа автономии воли в международном частном праве.

15. В свете того, что широчайший размах возможностей, все более признаваемых под эгидой принципа автономии воли, позволяет сторонам производить такую «юридическую биотехнологию», применение которой для суда или арбитража – задача более трудоемкая, нежели обращение к традиционной коллизионной привязке, *обосновано*, что существование и вектор развития принципа автономии воли в международном частном праве определяются вовсе не целью упростить для суда или арбитража задачу решения коллизионного вопроса, а субъективно оцениваемым сторонами удобством правового режима и его предсказуемостью, позволяющими в совокупности понизить юридические риски вступления с трансграничные частноправовые отношения.

Хотя конкретные мотивы сторон или вообще их отсутствие не имеют юридического значения, в глобальном масштабе они *обуславливают формирующуюся регулятивную конкуренцию* как между национальными правовыми порядками, так и с допускающими их исключение международными договорами и даже с негосударственными регуляторами.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.
Диссертация завершена на кафедре гражданского права и процесса и международного частного права юридического института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», где проведено ее рецензирование и обсуждение.

Достоверность результатов исследования обеспечивается адекватностью исходных теоретических посылок, соответствием избранной методологии объекту, предмету и целям исследования, широтой и репрезентативностью проанализированных источников, использованных на профессиональном уровне при соблюдении автором формальной логики при осуществлении критического анализа.

Материалы и результаты исследования апробированы в преподавательской деятельности соискателя при разработке авторских программ, проведении лекционных и практических занятий по дисциплинам международное частное право (по программе бакалавриата) и международный гражданский процесс (по программе магистратуры), в рамках научного руководства выпускными квалификационными работами бакалавров и магистров, руководства аспирантами и соискателями.

Выводы и предложения исследования нашли отражение в выступлениях автора на научно-практических конференциях и иных научных мероприятиях, в том числе на V, IX-XI, XIII-XIV Международных научно-практических конференциях «Защита частных прав: проблемы теории и практики» (г. Иркутск, БГУ; 2016, 2020-2022, 2024-2025 гг.); IV-X Всероссийских научно-практических конференциях «Развитие и применение международного права и международного частного права» (г. Краснодар, Северо-Кавказский филиал РГУП; 2018-2024 гг.); V-IX Всероссийских научно-практических конференциях «Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса» (г. Краснодар, КрУ МВД России; 2018-2020, 2023-2024 гг.); 61-64 Ежегодных собраниях Российской

Ассоциации международного права (г. Москва; 2018-2021 гг.); Кутафинских чтениях (г. Москва, МГЮА; 2019, 2023-2024 гг.); X Пермском конгрессе ученых-юристов (г. Пермь, ПГНИУ; 2019 г.); Международной научно-практической конференции «Правовое регулирование договорных отношений в России: актуальные проблемы и перспективы развития» (г. Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал РГУП; 2020 г.); X Международной научно-практической конференции «Право и бизнес: обеспечение баланса правовых интересов предпринимателей, потребителей и государства» и Научно-практической конференции «Роль суда в регулировании экономической деятельности» (г. Москва, РГУП; 2021, 2023 гг.); Всероссийских научно-практических конференциях «Обязательственное право России: проблемы теории и правоприменения», «Гражданско-правовое регулирование в процессе трансформации социально-экономических отношений», «Конституционные основы регулирования гражданско-правовых отношений», «Частное право: состояние и тенденции развития» и Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы гражданского, арбитражного, административного судопроизводства: теория, методология, практика» (г. Краснодар, КубГУ; 2021, 2023-2025 гг.); IX-XI Московских юридических форумах (г. Москва, МГЮА; 2022-2024 гг.); II, IV Международных научно-практических конференциях «Право и бизнес в реалиях современности: национальное, региональное и международное измерение» (г. Москва, ВШЭ; 2023, 2025 гг.); III-V Международных научно-практических конференциях «Современные тенденции в практике разрешения международных коммерческих споров» (г. Москва, ВАВТ; 2023-2025 гг.); III Международном междисциплинарном научно-практическом конгрессе «Актуальные проблемы международного частного права» (г. Москва, МГЮА; 2024 г.) и др.

По теме диссертационного исследования опубликовано 54 работы, в том числе 3 научные статьи в изданиях из Международных баз цитирования, 9 научных статей в изданиях, индексируемых в RSCI, 20 научных статей в изданиях, входящих в рецензируемые издания из числа рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации; а также 2 монографии и 1 глава коллективной монографии; 18 публикаций в сборниках материалов конференций и 1 – в других изданиях.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и отражает его логику. Диссертация включает введение, пять глав, охватывающих пятнадцать параграфов, заключение и список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее разработанности, указываются цели и задачи, объект и предмет исследования, обосновываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, описываются методология и методы исследования, его теоретическая и нормативная основы, проанализированная судебная и арбитражная практика, излагаются основные положения, выносимые на защиту. Введение завершается характеристикой степени достоверности результатов исследования, сведениями об их апробации и структуре диссертации.

Глава первая «Социально-правовые предпосылки формирования, нормативное отражение и особенности доктринального осмысления автономии воли как принципа коллизионного регулирования в международном частном праве», включающая три параграфа, адресует ключевые концептуальные аспекты принципа автономии в международном частном праве.

В *первом параграфе «Социально-правовые предпосылки формирования и нормативное отражение принципа автономии в отечественном международном частном праве»* соискатель исходит из того, что автономия воли как возможность участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, выбрать применимое право восходит к идее о свободе воли и конструкту воли в ее самом общем философско-правовом смысле. Формирование и развитие исследуемого принципа определяются социальными трендами глобализации и децентрализации и удовлетворяют потребность участников трансграничных общественных отношений в автономном выборе применимых правовых регуляторов.

В разрезе отечественного международного частного права изучаются три периода: дореволюционный, советский и современный. Исследование восполняет пробел научного знания о дореволюционном периоде развития идеи об автономии воли. В противовес укоренившейся в правовой науке позиции о «запоздалой реакции» отечественной юриспруденции в этой области, соискатель доказывает, что хотя ст. 707 Устава гражданского судопроизводства устанавливает императивную коллизионную норму, практика ее применения Правительствующим Сенатом (и оценка этой практики виднейшими правоведами того времени) свидетельствуют о признании в дореволюционном отечественном праве автономии воли сторон обязательства в вопросе выбора применимого материального права.

Для советского и современного периодов в качестве основных вех рассматриваются моменты принятия новых или существенной переработки текущих нормативных источников, определяющих коллизионное регулирование в исследуемой области (что, вместе с тем, не умаляет значения правоприменительной практики и доктринальных установок). Таким образом, в рамках советского периода развития идеи об автономии воли в международном частном праве анализируются три этапа, ведущие отсчет от ГПК Р.С.Ф.С.Р. 1923 г., Основ гражданского законодательства 1961 г. (ГК РСФСР 1964 г., соответственно) и Основ гражданского законодательства 1991 г., а в рамках

современного российского периода – два этапа, ведущие отсчет от принятия части третьей ГК РФ и ее реформы в 2013 г. по настоящее время.

Историко-правовой анализ советского периода развития идеи об автономии воли в международном частном праве показывает, что даже на самом раннем этапе действия ГПК РСФСР 1923 г., когда автономия воли не была закреплена законодательно, а коллизионное право не было представлено обособленной, разработанной группой норм, данная идея, хотя и исключительно в сфере внешней торговли, признавалась арбитражной практикой и правоведами в качестве имманентно присущей сторонам возможности. В условиях господствовавших в тот период административно-командных методов организации народного хозяйства и неприятия свободы договора в материально-правовом регулировании обязательств знаковым становится вывод о последовавшем устойчивом признании автономии воли сторон внешнеторговых сделок в советском законодательстве (Основах гражданского законодательства 1961 г. и ГК РСФСР 1964 г.), арбитражной практике и юридической науке. Изложенное выступает одним из аргументов в пользу тезиса о первичном значении автономии воли на этапе выбора применимого материального права по отношению к последующему материально-правовому регулированию, включая главенствующий в современной регламентации обязательственных отношений принцип свободы договора.

Анализ современного международного частного права Российской Федерации позволяет заключить, что автономия воли получает конкретизацию в многоуровневой системе согласованных норм, управомочивающих стороны гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, выбирать материальное право и отражающих ее феноменальное прогрессивное развитие как с точки зрения объема предоставленных сторонам возможностей (признание последующего выбора, подразумеваемых соглашений, депесяжа), так и с точки зрения перечня отношений, в которых сторонам дозволяется выбирать применимое право (для вещных прав на движимое имущество, договорных и внедоговорных обязательств).

Исследование нормативного закрепления, правоприменительной практики и их доктринального осмысления позволило соискателю предложить периодизацию становления автономии воли в качестве принципа отечественного международного частного права. В дореволюционный период об автономии воли можно вести речь лишь в русле юридического значения воли сторон для построения коллизионной нормы или отклонения от нее в случае необходимости (Бар. Б. Э. Нольде, Т. М. Яблочков). В советский период автономия воли как прямое, а не гипотетическое, волеизъявление сторон формируется в качестве дозволения, допустимого лишь только в сфере внешней торговли с соответствующим развитием его восприятия доктриной: от неприятия буржуазного принципа (С. И. Раевич, И. С. Перетерский) до признания его в качестве одного из «общих для многих стран начал международного частного права» и международно-правового обычая (Л. А. Лунц, Д. Ф. Рамзайцев). В современный период с принятием раздела VI ГК РФ автономия воли получает нормативное закрепление и доктринальное признание как коллизионный принцип

для отдельных категорий отношений, а по итогам законодательной реформы раздела VI ГК РФ 2013 г., которая укрепила тенденцию расширения возможностей сторон по выбору применимого права и, что особенно важно, сформировала нормы об автономии воли в согласованную систему, а также в свете разъяснения Пленума Верховного Суда РФ 2019 г., которое признало применение норм раздела VI ГК РФ, в т.ч. ст. 1210 ГК РФ, для восполнения пробелов специального законодательства (как-то, о договорах в области торгового мореплавания), автономия воли может считаться одним из общих принципов коллизионного регулирования в отечественном международном частном праве с соответствующим нормативным отражением, практикой применения и доктринальным признанием.

Изложенное в совокупности, на материале отечественного международного частного права дореволюционного, советского и современного периодов, позволяет выявить устойчивую тенденцию прогрессивного развития автономии воли как имманентно присущей сторонам возможности выбирать применимое материальное право и заявить о приобретении ей качества принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

Во *втором параграфе «Особенности доктринального осмысления правовой природы автономии воли как принципа коллизионного регулирования в отечественной науке международного частного права»* предлагается авторская модель автономии воли, в рамках которой выделяются два этапа ее существования и реализации: на первом этапе – в разрезе правотворчества – автономия воли существует в форме материально-правовой нормы, которая управомочивает в определенных случаях и пределах участников гражданских отношений трансграничного характера на выбор материального права; на втором этапе – в разрезе правоприменения – речь ведется о результате реализации автономии воли как дозволения выбрать применимое право, который получает выражение в соглашении участников конкретного отношения. В конечном итоге оба этапа в динамике существования и реализации автономии воли обеспечивают исполнение материально-правовыми средствами коллизионной функции соответствующего принципа.

Предложенная концептуальная модель зиждется на двух ключевых доктринальных подходах к автономии воли в современном отечественном международном частном праве: материально-правовом и коллизионно-правовом. Стоя в ряду «комбинированных» подходов к исследуемому принципу, предложенная концептуальная модель в отличие от существующих попыток определить его правовую природу обращает внимание на последовательность этапов существования и реализации автономии воли, укладывающуюся в непротиворечивый логический ряд: управомочивающая материально-правовая норма и заключенное на ее основании соглашение о выборе применимого права.

Тестирование предложенной авторской концептуальной модели в ее соотношении с оригинальными доктринальными подходами к пониманию автономии воли в международном частном праве позволило выдвинуть несколько исследовательских гипотез, которые получили подтверждение в ходе

последующего исследования. Во-первых, отклонение понимания принципа автономии воли в международном частном праве как продолжения принципа свободы договора в национальном гражданском праве выдвинуло гипотезу о первичности автономии воли на этапе выбора применимого материального права по отношению к каким бы то ни было принципам материального права. Во-вторых, отклонение понимания соглашения о применимом праве как частноправовой сделки выдвинуло гипотезу о квалификации соглашения о применимом праве как явления *sui generis* с соответствующими последствиями практического свойства (как-то, в отношении формы такого соглашения). В-третьих, объективная констатация отклонения постулатов оригинального видения автономии воли А. А. Рубановым в последовавшем развитии международных документов, законодательства и судебной практики выдвинуло гипотезу о тенденции прогрессирующего развития автономии воли как возможности участников гражданского отношения международного характера выбрать для себя наилучшее и наиболее удобное правовое регулирование.

В третьем параграфе «Специфика международно-правового закрепления принципа автономии воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом» исследуется хронология становления автономии воли участников гражданских (как наиболее показательных – договорных) отношений, осложненных иностранным элементом, в которой выделяются три ключевых этапа с опорой на соответствующие международные документы: Кодекс Бустаманте 1928 г.; Гаагские конвенции, посвященные праву, применимому к договору международной купли-продажи товаров, 1955 г. и 1986 г.; а также Гаагские принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г. Выделение названных опорных точек позволило соискателю сделать три частных и один общий вывод.

Анализ Кодекса Бустаманте позволил опровергнуть устоявшийся в юридической литературе тезис о том, что этот международный договор непосредственно устанавливает автономию воли как принцип международного частного права, поскольку заключение о провозглашении правового принципа каким-либо источником права требует определенной терминологии положения или совокупности положений соответствующего акта с учетом общей характеристики осуществляемого им правового регулирования.

Анализ Гаагских конвенций, посвященных праву, применимому к договору международной купли-продажи товаров, позволил сделать вывод о существенном расширении – в конкретный исторический период – возможностей сторон договора международной купли-продажи товаров по выбору применимого права. Тем не менее, в реальном практическом преломлении указанные документы могут быть использованы исключительно для констатации принципа автономии воли как такового, поскольку Гаагская конвенция 1955 г. имеет крайне незначительное количество участников и закрепляет устаревший строгий «стандарт» для соглашений о применимом праве (внутреннее право страны; выбор, основанный только на условиях договора), а Гаагская конвенция 1986 г. вообще не вступила в силу и при этом намеренно устраняется от решения целого ряда принципиальных вопросов (выбор вненациональных источников; депесаж).

Анализ Гаагских принципов свидетельствует о том, что этот документ образует логическое продолжение работы Гаагской конференции по международному частному праву, которая в силу фактического «провала» нескольких подряд международных договоров в сфере коллизионного регулирования договорных обязательств впервые в своей истории приняла рекомендательный документ. С одной стороны, упрощенный порядок его принятия позволил закрепить максимально прогрессивные на текущем этапе правила реализации автономии воли, но с другой, рекомендательный характер не дает ему качество обязательного для государств инструмента, оставляя его применение преимущественно в поле международного коммерческого арбитража и базы для совершенствования национальных законодательств.

Проведенное исследование в целом позволило и на уровне международных актов выявить устойчивую тенденцию прогрессивного развития идеи об автономии воли сторон гражданских (прежде всего, договорных) отношений, осложненных иностранным элементом. Однако в сфере международного нормотворчества закрепление автономии воли характеризуется существенной особенностью – прогрессивное развитие содержания данного принципа хронически «обгоняет» готовность государств к фиксации этого содержания на уровне юридически обязательного инструмента. Как следствие, можно наблюдать противоречие – более строгий стандарт автономии воли не будет востребован как не отвечающий ее актуальному состоянию, а более современный – даже в случае компромиссного закрепления в проекте международного договора, как показал пример Гаагских конвенций 1955 г. и 1986 г., повлечет незначительное число участников или даже невступление такого договора в силу. По мнению соискателя, именно обозначенное противоречие привело к тому, что прогрессивный «стандарт» автономии воли получил закрепление в первом в истории Гаагской конференции по международному частному праву рекомендательном акте – Гаагских принципах 2015 г.

Трансформация автономии воли из правомочия участников отдельно взятых (первоначально, только договорных) отношений в коллизионный принцип общего действия подтверждается соотношением унифицированных норм международных договоров и национального законодательства, при котором коллизионные нормы, сформулированные в значительном числе международных договоров в качестве императивных (в частности, для деликтных обязательств), дополняются системой дозволительных норм национального законодательства об автономии воли в качестве предписаний, составляющих «общую часть» коллизионного права. Напротив, положения тех же международных договоров, позволяющие автономии воли сторон трудового договора, в соотношении с правилом о территориальном действии отечественного трудового законодательства подтверждают концептуальную возможность распространения автономии воли на трудовые отношения даже в отсутствие специальных национальных предписаний и в свете крайне положительного восприятия правоведами этой возможности – тенденцию дальнейшей содержательной экспансии рассматриваемого принципа.

Выявленная тенденция имеет научную ценность не просто в порядке констатации явлений объективной реальности, но позволяет выдвигать гипотезы относительно будущего развития принципа автономии воли в международном частном праве. Историко-правовое исследование убедительно доказывает, что те возможности выбора применимого права, которые казались невозможными или даже невысказанными в один исторический период (среди которых выбор вненациональных источников, депесяж и др.) оказываются признаваемыми, закрепляемыми и применяемыми на практике – в весьма недалекой перспективе двадцати-тридцати лет. Это настоятельно требует от современных правоведов внимательного отношения к разрабатываемым в настоящий период концепциям (среди которых самые разные предложения: от кумуляции правовых и неправовых регуляторов до постановки вопроса о выборе применимого права для внутреннего контракта), некоторые из которых могут составить правовую реальность в недалеком будущем.

Глава вторая «Генезис и ведущие концептуальные подходы к пониманию автономии воли как принципа коллизионного регулирования в зарубежной доктрине международного частного права», включающая три параграфа, исходит из того, что если оценивать автономию воли в плоскости частного права в самом общем виде как проявление активности участников оборота, направленное на достижение какой-либо цели, то зачатки юридически значимой автономии воли участников отношений мы сможем найти настолько глубоко в древности, насколько сможем отыскать зачатки самого юридического опосредования соответствующих отношений. В разрезе коллизионного регулирования это значит, что непосредственно волевые действия участников трансграничных отношений, а в более отдаленной перспективе – их намерения и потребности, в той или иной мере могут оказывать влияние на решение коллизионного вопроса.

В первом параграфе *«Зарождение и развитие идеи об автономии воли в международном частном праве стран романо-германской правовой семьи»* последовательно рассматривается зарождение идеи об автономии воли в разработках французского правоведа Ш. Дюмулена и ее правовой режим в новейший период в источниках права Европейских Сообществ и Европейского Союза, в том числе в сравнительном ключе с отечественным регулированием в данной области.

Соискатель стоит на позиции, что изначально идея французского правоведа Ш. Дюмулена преследовала весьма утилитарную цель – через конструкцию гипотетической воли (такого соглашения, которое, размышляя разумно, следовало бы приписать сторонам) отказаться от устаревших коллизионных привязок и тем самым избрать правопорядок, который представлялся бы наилучшим в конкретной юридической ситуации. Вместе с тем, именно идея о коллизионном значении гипотетической воли заложила прочную основу для признания действительного выбора применимого материального права сторонами договорных, а впоследствии и ряда иных отношений.

Феноменом развития автономии воли как принципа коллизионного регулирования в международном частном праве стран романо-германской

правовой семьи выступает, по мнению соискателя, то, что первоначальное юридическое признание данного принципа в ряде названных стран, включая Францию, Германию, Россию, произошло отнюдь не посредством закона как основного источника права, а на уровне правоприменительной практики. При этом возможность выбора применимого материального права рассматривалась в практике решения коллизионного вопроса как априорно присущая сторонам договорного обязательства трансграничного характера, а сама по себе идея – как самодостаточная, не требующая специального санкционирования, обусловленная естественным и разумным восприятием правовых отношений, простирающихся в территориальных пределах нескольких юрисдикций.

Сравнительно-правовой анализ положений права государств-членов Европейского Союза и российского законодательства о международном частном праве в динамике их развития показывает, что не только в разрезе коллизионных норм, действующих в отношении договорных обязательств трансграничного характера, но и в области автономии воли российское законодательство развивается под существенным влиянием европейского опыта. Однако поскольку стандарт автономии воли уже на уровне Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, 1980 г. был весьма прогрессивным и по сути не претерпел никаких корректив при закреплении в Регламенте Рим I, то и правила ст. 1210 ГК РФ, в центральной части выбора права для договорных отношений, сохраняются в основном без кардинальных изменений. Более того, в ходе развития российского международного частного права состоявшиеся дополнения правового режима автономии воли лишь в еще большей степени унифицировали его с соответствующими положениями коммуитарного права, как-то: за счет дополнения требований к «последующему» выбору права приоритетом формальной действительности сделки (в рамках реформы законодательства в 2013 г.), а также путем разъяснения об отсылке вопроса действительности «соглашения о применимом праве по основаниям, связанным с наличием порока воли» и его заключенности к избранному сторонами праву (на уровне Пленума Верховного Суда РФ в 2019 г.). Изложенное подтверждает не только устойчивость тенденции к унификации международного частного права Российской Федерации с соответствующими положениями права Европейского Союза, но и тот факт, что конкретные рецепированные нашей страной нормы составляют не предмет «слепого» заимствования, но «прижившиеся» и эффективные именно для отечественной юрисдикции положения.

Во *втором параграфе «Специфика понимания и применения автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, в странах общего права»* подвергается анализу английское и американское коллизионное право. Соискателем обосновывается вывод о том, что английское коллизионное право в вопросе автономии воли сторон договорных обязательств обнаруживает поразительное единство с подходом стран романо-германской правовой семьи. Подразумеваемая воля, выступавшая с самого зарождения в трудах Ш. Дюмулена в качестве фикции, позволяющей суду избрать наиболее подходящую для конкретного отношения привязку, прочно укоренилась в ранней английской судебной практике. При этом

признание подразумеваемой воли неминуемо повлекло за собой безусловное признание воли реальной. И хотя подразумеваемая воля уступила место объективному тесту наиболее тесной связи, коллизионное значение действительного волеизъявления сторон осталось незыблемым. Как следствие, выбор права, свойственного договору, на основе английской формулы *Bonython* сформировался как базирующийся на дихотомии выбора сторон (действительного соглашения о праве) и установления судом локализации договора (объективного теста наиболее тесной связи).

Более того, установка английской судебной практики в части безоговорочного признания автономии воли сторон договорного обязательства трансграничного характера соответствовала ходу развития практики стран континентального права, в результате чего унификация коллизионного регулирования в рамках европейской интеграции не только не изменила, но стала закономерным продолжением вектора развития английского коллизионного регулирования в соответствующей сфере. Наконец, выход Великобритании из ЕС, не поколебавший действия на ее территории Регламента Рим I, подтвердил вектор безоговорочного признания автономии воли в вопросе выбора договорного статута.

Соискатель также указывает, что американское коллизионное право, как и правопорядки многих иных юрисдикций, содержит свидетельства признания подразумеваемого намерения сторон в весьма ранних судебных актах. Но в отличие от стран континентального права и примкнувшей к ним в этом отношении Великобритании на территории США признание юридического значения подразумеваемой воли не повлекло за собой прямого провозглашения признания воли реальной. Мощная доктринальная оппозиция выразилась в отсутствии положения об автономии воли в Первом своде законов и признании ее с рядом ограничений во Втором. Однако, как и во многих других странах, вне зависимости от официальных позиций судебная практика последовательно проводила в жизнь соглашения сторон о выборе применимого права, опираясь в этом отношении скорее на здравый смысл, нежели на какие-либо официальные санкции. Как следствие, даже в условиях весьма самобытных доктринальных основ американского коллизионного права автономия воли сторон договорных обязательств трансграничного характера признается с весьма умеренными ограничениями, в числе которых условие «существенной связи со сторонами или сделкой», в максимальной степени смягченное оговоркой о приемлемости «иного разумного основания» выбора сторон, и ограничение избранного сторонами права фундаментальной политикой «заинтересованного» государства (штата), которое в общем виде известно подавляющему большинству юрисдикций.

Соискателем обосновывается вывод о том, что признание автономии воли, по меньшей мере для договорных отношений трансграничного характера не зависит ни от принадлежности к той или иной правовой семье, ни от специфики школ коллизионного права, ни даже от санкционирования такой возможности на каком-либо официальном уровне. При этом поразительный исторический факт, по мнению соискателя, образует то, признание реального волеизъявления сторон стало следствием фикции о коллизионном значении воли подразумеваемой.

Дальнейшее же развитие показывает, что суды устойчиво признают соглашения сторон о применимом праве, опираясь скорее на здравый смысл, нежели на какие-то официальные санкции. Последнее, вместе с тем, не исключает различий в конкретных правилах реализации автономии воли, что отлично иллюстрируется различием в подходах в рамках стран общего права: от предельно либерального стандарта, в русле традиции стран континентального права в Великобритании до несколько ограниченного, в свете специфической концепции правительственного интереса во многих штатах США.

В *третьем параграфе «Особенности концептуальных подходов к пониманию автономии воли в международном частном праве отдельных стран азиатско-тихоокеанского региона»* в свете чрезвычайной обширности и разнородности обозначенного региона соискатель ограничивается исследованием опыта Австралии и Китая.

Материал австралийского международного частного права свидетельствует о том, что ряд стран общего права, исторически воспринявших английское право, в том числе в разрезе признания коллизионного значения автономии воли сторон договора, в ходе последующей автономной эволюции не только не отвергли этот принцип, но и самостоятельно увеличили возможности сторон по выбору материального права для договорного обязательства трансграничного характера.

Материал китайского международного частного права представляет пример прогрессивного признания принципа автономии воли на уровне общего положения специального закона. В этом смысле китайский опыт составляет своего рода кульминацию тех наработок в области автономии воли, которые международное сообщество государств накопило к настоящему моменту. Все выявленное в совокупности позволило соискателю выдвинуть три тезиса общего значения.

Во-первых, независимо от традиций той или иной правовой семьи и признаваемых в той или иной стране источников права, признание автономии воли сторон гражданских отношений трансграничного характера происходит повсеместно не сверху – посредством насаждения общеобязательного формально-определенного правила, а снизу – как закономерная реакция правовой системы на потребности регулирования общественных отношений. Соответственно, первичную реакцию на такие потребности и осмысление как априорной возможности сторон трансграничного отношения выбирать применимое право производит в подавляющем большинстве юрисдикций, включая нашу страну, судебная практика.

Во-вторых, историко-правовое и сравнительно-правовое исследование в совокупности позволяют сделать однозначный вывод о существовании универсальной тенденции нарастающего укрепления принципа автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений трансграничного характера. В этой связи появление в законодательстве о международном частном праве общей нормы, постулирующей принцип автономии воли, может рассматриваться как закономерное продолжение выявленной тенденции. Представляется, что включение такой нормы в раздел VI ГК РФ могло бы быть разумным, поскольку объединило бы в систему отдельные управомочивающие

нормы и имело значимую идеологическую нагрузку, как с точки зрения единообразия правоприменительной практики в текущий момент, так и с точки зрения понимания тех линий, по которым может ожидать развитие нормотворческой деятельности в будущем.

В-третьих, по мере нарастающего укрепления принципа автономии воли в коллизионном регулировании с соответствующим увеличением специальных положений, санкционирующих соглашения сторон о выборе права, либо же расширением действия положений более общего характера на этот счет (по логике прогрессии: договорные, внедоговорные отношения и т.д.), на доктринальном уровне требуется осмысление того, что в современном трансформирующемся мире решение коллизионного вопроса обеспечивается не только коллизионными нормами, построенными, прежде всего, на жесткой формуле территориальной локализации, но и принципиально иным образом – за счет автономии воли сторон, посредством децентрализации и гибкости. Предложенная установка позволит отойти от искусственной цепочки: коллизионный вопрос – коллизионное право – коллизионная норма, позволив вне узко доктринальных оков развивать институты, нацеленные на эффективное обеспечение коллизионного выбора, и применять такие новейшие инструменты в новейшем, стремительно меняющемся мире.

Глава третья «Ключевые проблемы закрепления и развития автономии воли как принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом», включающая три параграфа, посвящена исследованию той парадигмы международного частного права, его норм и принципов, включая коллизионные, в которую следует вписывать исследуемый принцип автономии воли.

В первом параграфе *«Проблема состава норм и принципов международного частного права»* дается обзор многокомпонентного состава норм и принципов международного частного права, что выводит соискателя на серию соображений фундаментального для данной области знания характера.

Традиционно для всякой отрасли права, будь то гражданское право, уголовное право и многие другие, соотношение категорий норма – принцип строится как в пирамиде: на базовом уровне первичными массовыми элементами права выступают нормы, на более высоком уровне они восходят к относительно немногочисленным принципам, выражающим главные, стержневые идеи соответствующего нормативного массива. Как показало проведенное исследование, в отечественной науке международного частного права описанный простейший логический ряд не соблюдается, чему соискатель выдвигает ряд объяснений и на исправление чего нацеливает свои главные выводы и предложения.

Во-первых, взгляд на международное частное право через призму укоренившейся в отечественной науке триады воззрений на его системную принадлежность (как относящегося к международному или национальному праву либо образующего «полисистемный комплекс») позволяет объяснить предпринятые рядом правоведов попытки присвоить ему соответствующие принципы международного или национального частного права. Однако

практическая проверка конкретных таких принципов: принципов «дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» (в числе которых, например, «запрещение применения силы и угрозы силой») или предельно специфических общих принципов права, признанных «цивилизованными нациями», по смыслу подп. «с» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН, а равно «основных начал гражданского законодательства», нашедших отражение в ст. 1 ГК РФ, – позволяет выявить их нежизнеспособность в поле специального правового (особенно – коллизионно-правового) воздействия на предмет международного частного права – частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом, и, тем более, их неспособность выступать в этом ключе специальными стержневыми идеями.

Во-вторых, взгляд на международное частное право через призму относимых к нему правоведами норм позволяет подтвердить многокомпонентный и критически разнородный нормативный массив данной области права, охватывающий коллизионные нормы в национальном и международном праве; унифицированные материально-правовые нормы в международном праве; зачастую публичные по своей природе нормы «права иностранцев»; а также самые различные нормы международного гражданского процесса. В этой связи проведенное исследование устанавливает, что вопреки традиционной для всякой отрасли права логике соотношения норм и принципов, в международном частном праве ученые в той или иной мере признают его многокомпонентный нормативный состав, но не определяют соответствующих ему принципов; в подавляющем большинстве случаев, говоря о принципах международного частного права, авторы фактически перечисляют принципы коллизионного права.

Объяснение этому усматривается в предположении о том, что по меньшей мере некоторые блоки нормативного массива международного частного права, за пределами права коллизионного, будут иметь принципы, соответствующие отраслям национального права по содержательному критерию. В частности, принципы материально-правового регулирования гражданских, трудовых, семейных отношений на уровне международных договоров, по мнению соискателя, будут в целом корреспондировать принципам соответствующих отраслей национального права сообразно предмету их регулирования (что конечно не исключает специфики положений, рассчитанных в особенности на отношения трансграничного характера). Аналогичная ситуация будет наблюдаться и в случае отнесения к международному частному праву отдельных норм «права иностранцев», как например, нормы о миграционном учете иностранных граждан и др.

Изложенное в целом позволило соискателю сделать вывод о том, что многокомпонентный состав критически разнородных норм международного частного права (даже в случае ограниченного подхода, относящего к нему только коллизионные и унифицированные материально-правовые нормы, обеспечивающие преодоление коллизионной проблемы) не позволяет обеспечить формирование для него немногочисленной (гомогенной) системы принципов. Этот вывод в свою очередь обуславливает целесообразность обособления в

рамках международного частного права коллизионного права, по меньшей мере, для целей построения логического ряда нормы – принципы.

Во *втором параграфе «Проблема состава норм и принципов коллизионного права»* подтверждается выдвинутая соискателем гипотеза о том, что коллизионному праву, равно как и любому другому сегменту системы права (включая классические материальные отрасли, как гражданское право, уголовное право и др.), свойственно построение простейшего логического ряда нормы – принципы.

Исследование демонстрирует, что осмысление принципов в международном частном праве отличается чрезвычайным разнообразием причисляемых к ним явлений (формул прикрепления коллизионных норм, институтов, режимов, метода регулирования), полным несовпадением авторских перечней принципов, их классификаций и т.п. Это, по мнению соискателя, критически девальвирует значение категории «принцип» и лишает ее статуса генеральной стержневой идеи соответствующего нормативного массива.

Признавая аксиоматический характер системности права, соискатель также исходит из того, что, во-первых, система есть целеориентированное множество, т.е. совокупность элементов, функционирование которых направлено на достижение конкретной цели, и, во-вторых, число элементов, входящих в состав системы, должно быть необходимым и достаточным для достижения стоящей перед системой цели. При этом система, состоящая из двух элементов, именуется бинарной и обладает высоким эвристическим потенциалом, коль скоро дает представление о «принципиальнейшем обстоятельстве», которое обуславливает дихотомическое разделение элементов системы и, тем самым, проливает свет на ее природу и даже тенденции развития.

На этом основании соискатель предлагает рассматривать принципы коллизионного регулирования как бинарную систему, включающую два необходимых и достаточных для достижения целей системы элемента: принцип автономии воли и принцип наиболее тесной связи. Фактором, обуславливающим дихотомическое разделение элементов системы, выступает субъект, которому доверено либо на которого возложено решение коллизионной проблемы – цель, которая определяет внешнюю обособленность и внутреннюю гомогенность системы коллизионных норм и принципов. При этом в свете эволюции общественных отношений и соответствующего развития правовых регуляторов соотношение и значение элементов в системе может изменяться (как-то, с повышением роли одного и уменьшением роли другого).

Логический ряд нормы – принципы и дихотомическое деление принципов коллизионного права находят свое подтверждение, прежде всего, в разработанном национальном коллизионном праве, адресованном судам. Тем не менее, обращение к специфике решения коллизионного вопроса в международных коммерческих арбитражах, которые, по меньшей мере, юридически не привязаны к коллизионному праву государства локализации, также позволяет посредством телеологической редукции выявить дихотомию, базирующуюся на идентификации субъекта, которому доверено либо на которого возложено решение коллизионного вопроса. Стороны осуществляют выбор права на

основании принципа автономии воли, международный коммерческий арбитраж – в соответствии с установленной методикой (например, непосредственно в силу принципа наиболее тесной связи или косвенным образом через избираемую систему коллизионных норм, также построенных на принципе наиболее тесной связи).

В *третьем параграфе «Сфера реализации норм и принципов коллизионного права»* соискатель обращается к новейшим изменениям общественной жизни человечества. Осмысление правовых связей, складывающихся в условиях стирания территориальных границ за счет развития средств сообщения и, в особенности, в связи с цифровизацией, позволяет выдвинуть тезис о том, что концептуально коллизионный (предварительный) вопрос имеет место в механизме правового регулирования всякого частного отношения. Более того, большинство правовых связей в современном мире в той или иной форме характеризуются иностранной (международной) «осложненностью». Так, простейший в этом отношении пример договора купли-продажи может характеризоваться иностранными местами заключения договора; инкорпорации или основной деятельности продавца или покупателя; производства, отгрузки, транспортировки или доставки товара; и даже принадлежащими иностранному субъекту правами интеллектуальной собственности, залога и иными правами в отношении товара, иностранной валютой расчетов, иностранным гражданством представителей или единоличных исполнительных органов сторон и др. Тем не менее, если соответствующее отношение не попадает в сферу реализации принципов и норм коллизионного права, постановка коллизионного вопроса и его решение на «предварительном» этапе могут пройти незримо, автоматически, в ходе комплексной мыслительной деятельности судьи или арбитра, зачастую без какого-то отражения в судебном или арбитражном акте и даже без обсуждения.

В этой связи приобретает критическую значимость вопрос о сфере реализации норм и принципов коллизионного права, отвечая на который соискатель указывает на различие в методике определения сферы действия для разделяющихся дихотомически принципа наиболее тесной связи (и составляющих его выражение коллизионных норм) и принципа автономии воли (конкретизируемого в системе управомочивающих норм, предоставляющих сторонам возможность избрать применимое право).

Сфера реализации принципа наиболее тесной связи и выражающих его коллизионных норм определяется положительно – через попытку поименовать категории отношений, осложняемых теми или иными иностранными элементами. На этом основании предлагается разграничить представления о круге потенциально возможных иностранных элементов и об иностранном элементе, имеющем коллизионно-правовое значение в конкретном случае. Первый, как правило, упоминается в вводных статьях законодательства о международном частном праве и преследует цель в общих чертах описать предмет его воздействия, а второй непосредственно влечет постановку коллизионного вопроса и в этом смысле может иметь юридическое значение только в силу определенной коллизионной нормы.

Сфера реализации принципа автономии воли, находящего выражение в системе управомочивающих норм, наделяющих возможностью выбора применимого права, напротив, определяется отрицательно – через отказ в признании указанной возможности исключительно в случаях, когда иностранный элемент «полностью отсутствует». Изложенное является дополнительным подтверждением заявленного соискателем тезиса о тенденции прогрессивного развития принципа автономии воли и наглядно демонстрирует его экспансию не только в части типов отношений (договорные и внедоговорные обязательства, вещные права), но и в части расширения охвата квалификации таких отношений как «международных».

В свете полученных результатов и в более общем ключе соискатель ставит фундаментальный вопрос о трансформации категории «правоотношение» – одной из центральных категорий правового бытия – в поле международного частного права. Дискуссия о допустимости именованного иностранным элементом того, что элементом правоотношения не является, стала привычной для международного частного права и, имея отношение только к теоретической плоскости, отмеченная «нестыковка» составляет известное допущение в этой области правоправедения.

Вместе с тем, новейшее развитие международного частного права высвечивает практическое расширение оценки правоотношения в целях признания за ним «международного» характера и включения его в сферу реализации норм и принципов коллизионного права (наиболее ярко – для принципа автономии воли и постулируемой им возможности выбирать материальное право) посредством оценки характеристик иных правоотношений (с иными субъектами, иным предметом). В свете интенсификации трансграничных связей частных лиц и устойчивой тенденции экспансии принципа автономии выявленная трансформация оценки и осмысления категории «правоотношения» не изолированно, а в существенно более общем, скорее даже экономическом, а не юридическом контексте свидетельствует о коренных сдвигах в новейшем правопонимании и расширении сферы реализации норм и принципов коллизионного права, в частности, и международного частного права, в целом.

Глава четвертая «Автономия воли в механизме правового регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом», включающая три параграфа, исследует принцип автономии воли в динамике его реализации и «внешнего» взаимодействия на поле коллизионного регулирования с учетом ограничений применения иностранного права и приоритета унифицированного материально-правового регулирования в международном частном праве.

В первом параграфе *«Взаимодействие автономии воли и наиболее тесной связи в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом»* соискатель обосновывает тезис о том, что за пределами сферы действия принципа автономии воли в международном частном праве (когда сторонам не предоставлена возможность выбора правопорядка или такая возможность ими не реализована) принцип наиболее тесной связи составляет единственный (универсальный) принцип коллизионного регулирования, который выступает на правотворческом уровне в качестве

«дорожной карты» для разработки коллизионных норм, а на правоприменительном – в качестве действующего средства коллизионного регулирования.

Универсальный характер принципа наиболее тесной связи обосновывается тем, что в ходе развития в дополнение к территориальной локализации данный принцип аккумулировал самые значимые материально-правовые соображения, заслуживающие учета на этапе решения коллизионного вопроса. Если бы принцип наиболее тесной связи оставался ограничен исключительно поиском географической локализации правоотношения, то эволюция международного частного права, все больше уделяющего внимание материально-правовому результату коллизионного выбора, привела бы к появлению новых самостоятельных принципов. Однако в современном международном частном праве Российской Федерации принцип наиболее тесной связи получает реализацию как средство коллизионного регулирования, при применении которого суд, во-первых, определяет «преобладающую территориальную связь» и, во-вторых, «также может принимать во внимание, применение права какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и ... его институтов».

На этом основании соискатель предлагает выделять принцип наиболее тесной связи в узком смысле (как предполагающий строго территориальную локализацию – в том виде, в каком английская судебная практика сформировала объективный тест на основе формулы *Bonython*) и в широком смысле (как построенный на территориальной локализации, дополненной учетом значимых материально-правовых соображений, – в том виде, в каком он получает реализацию в современный период в международном частном праве Российской Федерации).

Отстаивается единая трактовка принципа наиболее тесной связи при реализации в правотворчестве и правоприменении. В правотворчестве принцип наиболее тесной связи находит конкретизацию в коллизионных нормах, привязки которых исходят из наиболее значимой территориальной связи и в особых случаях учитывают весомые материально-правовые факторы. В правоприменении данный принцип (с тем же содержанием, построенным на установлении преобладающей территориальной связи с учетом весомых материально-правовых факторов) применяется непосредственно в случае невозможности решения коллизионного вопроса на основе существующих коллизионных норм, что дает сигнал о необходимости дополнения действующего корпуса норм коллизионного права, и в особых, прямо санкционированных случаях (например, в сфере договорных правоотношений международного характера – в силу п. 9 ст. 1211 ГК РФ) применяется в качестве исключительного инструмента, позволяющего отклонить действующую коллизионную норму, если результат ее применения в конкретном деле не позволяет реализовать заложенный в нее принцип наиболее тесной связи, что дает сигнал о необходимости корректировки такой коллизионной нормы.

Специфика механизма коллизионного регулирования гражданских отношений трансграничного характера и реализации принципа наиболее тесной

связи в его рамках демонстрируется посредством ответа на вопрос о существовании в коллизионном праве аналогии закона и аналогии права.

Во-первых, устанавливается, что коллизионному праву не известна аналогия закона, что признается обоснованным, так как коллизионные нормы по общему правилу охватывают целые группы отношений, а потому если определенное отношение не входит ни в какую из групп, его специфика не позволит выбрать для него коллизионную норму, регулиующую «сходные» отношения.

Во-вторых, обосновывается, что коллизионному праву не известна и аналогия права в том виде, в каком она используется в гражданском праве, будучи построенной на применении «общих начал и смысла гражданского законодательства». В механизме коллизионного регулирования гражданских отношений трансграничного характера принцип наиболее тесной связи в роли общей резервной коллизионной привязки в единственном числе, но с множественным содержанием выступает универсальным средством решения коллизионного вопроса на случай недостаточности существующих коллизионных норм в международных договорах РФ, ГК РФ и других законах, а также обычаях, признаваемых в Российской Федерации.

Во втором параграфе *«Взаимодействие автономии воли в коллизионном регулировании и унифицированного материально-правового регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом»* соискатель раскрывает внешние связи принципа автономии воли на фоне множественности методов международного частного права и его источников.

На примере норм о сфере действия Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (воспринятых другими международными договорами) обоснован вывод о том, что предпосылками применения унифицированных материально-правовых норм выступают, во-первых, в порядке разрешения коллизии норм права в теоретико-правовом ключе – конституционно-правовые нормы о приоритете международных договоров (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ); специальные нормы о приоритете международных договоров, содержащих унифицированные материально-правовые нормы (ч. 3 ст. 1186 ГК РФ); положения о сфере действия того международного договора, о применении материально-правовых норм которого ставится вопрос (например, подп. «а» п. 1 ст. 1 Венской конвенции).

Во-вторых, как указывает соискатель, предпосылкой применения унифицированных материально-правовых норм способен выступать коллизионный метод регулирования в международном частном праве (например, по подп. «b» п. 1 ст. 1 Венской конвенции). При этом сообразно отстаиваемой в работе дихотомии коллизионного регулирования применение унифицированных материально-правовых норм международного договора может обуславливаться выбором материального права государства-участника международного договора как самими сторонами (в той мере, в какой коллизионное право страны суда признает автономию воли), так и судом на основе коллизионных норм (и отраженного в привязках таких норм принципа наиболее тесной связи). Изложенная логика справедлива для международного коммерческого арбитража с

учетом специфики установленной для него методики решения коллизионного вопроса.

Анализ механизма регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, позволил выявить явление фрагментации такого регулирования, которое проявляется на двух уровнях. На уровне объективно существующего множества правовых регуляторов в исследуемой области фрагментация проявляется в сосуществовании юридически действительных коллизионных норм национального законодательства и одновременно нескольких международных договоров с различным числом участников и разной сферой действия, которые в свою очередь ведут к применению отличных национальных правопорядков, в том числе способных включать те или иные унифицированные материально-правовые нормы.

На уровне реализации сторонами автономии воли фрагментация проявляется в двух измерениях. Во-первых, в стремительно расширяющихся возможностях сторон договорных отношений, осложненных иностранным элементом, выбирать – как подключать, так и исключать – определенные источники (в числе которых как международные договоры, так и автономные негосударственные регуляторы), за пределами сферы охвата которых субсидиарный статут определяется судом на основании не менее фрагментированных коллизионных норм или арбитражем с учетом специфики установленной для него методики. Таким образом, конечный набор регуляторов может представлять собой коллаж правовых и неправовых регуляторов, с подключением или исключением тех или иных источников, субсидиарно дополняемых национальным правопорядком той или иной страны, то есть такой «регулятивный коллаж», который был собран сторонами и дополнен судом или арбитражем и который объективно не существует ни в одном государстве и никак не гарантирует внутренней согласованности и непротиворечивости собранных предписаний.

Во-вторых, на уровне реализации сторонами автономии воли фрагментация проявляется также в расщеплении (депесаж) поля регулятивного воздействия на различные вопросы (аспекты) взаимоотношений сторон. Будучи широко признанной возможностью в рамках автономии воли сторон договорного обязательства трансграничного характера, тем не менее, депесаж в своей исполнимости ограничен требованием отсутствия непреодолимых противоречий. Соискатель утверждает, что по аналогии это требование может быть использовано и для собранного сторонами из различных источников «регулятивного коллажа», поскольку иное – в случае непреодолимых противоречий между разнообразными источниками в применении к единым взаимоотношениям сторон – не позволит суду или арбитражу адекватно разрешить спор.

В *третьем параграфе «Взаимодействие автономии воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, и ограничений применения иностранного права в судебном правоприменении»* обосновывается тезис о том, что защита основ национального правопорядка и выражающие ее институты (как-то, нормы непосредственного применения и оговорка о

публичном порядке) образуют пределы реализации коллизионного выбора, совершенного в пользу иностранного права. В судебном правоприменении названные институты реализуются в силу предписаний национального свода коллизионных норм. При этом нормы непосредственного применения корректируют действие норм иностранного права априорно и по существу регулируют соответствующие отношения, а оговорка о публичном порядке активируется при условии квалификации последствий применения иностранного права как противоречащих основам национального правопорядка, блокирует действие конкретной нормы иностранного права и влечет ее замену другой нормой того же иностранного права или при необходимости нормой отечественного права.

В свою очередь международный коммерческий арбитраж, даже действуя в рамках инфраструктуры специального законодательства, контроля и содействия государства локализации, в силу автономного характера в части материально-правовых оснований разрешения споров юридически не привязан к установленному для судов своду коллизионных норм, включая коллизионные институты, ограничивающие применение иностранного права. Однако на этапе признания и приведения в исполнение состоявшиеся арбитражные решения неминуемо проходят через фильтр оценки на предмет соответствия публичному порядку государства исполнения. Попыткой преодолеть многообразие таких национальных фильтров, делающих результат рассмотрения споров в международном коммерческом арбитраже негарантированным до самого последнего момента его введения в правовое поле государства исполнения, стало формирование категории международного (трансграничного) публичного порядка, стоящей на страже самых значимых международных ценностей. Вместе с тем, до настоящего времени и в особенности в свете новейшей правоприменительной практики, институт национального публичного порядка сохраняет значение защитного барьера как в отношении иностранного права в национальном судебном правоприменении, так и в отношении уже вынесенных решений международных коммерческих арбитражей (а равно и иностранных судов).

На этом основании соискатель обосновывает вывод о том, что защита основ национального правопорядка не образует самостоятельный принцип коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, потому что она не выступает средством решения коллизионного вопроса. Институты, нацеленные на защиту основ национального правопорядка, в числе которых нормы непосредственного применения и оговорка о публичном порядке, в судебном правоприменении составляют пределы реализации коллизионного выбора в пользу иностранного права, который уже совершен на основании принципов коллизионного регулирования: сторонами – в силу принципа автономии воли или судом – за счет коллизионной нормы, выражающей принцип наиболее тесной связи. В международном коммерческом арбитраже в силу его относительной автономности на стадии выбора и применения материального права юридическая привязка к какому-либо национальному публичному порядку отсутствует и данный фильтр активируется

по общему правилу при введении уже вынесенного арбитражного решения в правовое поле государства исполнения.

Глава пятая «Практические аспекты реализации автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом» тестирует предложенную соискателем авторскую модель автономии воли, в которой разграничиваются ее статика (существование) и динамика (реализация) в механизме коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом. В каждом из трех параграфов последовательно подтверждаются три исследовательские гипотезы, выдвинутые соискателем при обосновании защищаемой авторской модели.

В первом параграфе «Правовое обоснование в суде или арбитраже реализации автономии воли участниками гражданских отношений, осложненных иностранным элементом» подтверждается исследовательская гипотеза о первичности автономии воли на этапе выбора применимого материального права по отношению к каким бы то ни было принципам материального права.

Автономия воли, постулирующая право сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, выбрать применимое право, и пределы ее реализации определяются непосредственно и исключительно управомочивающей нормой, для судов существующей в рамках свода коллизионных норм *lex fori*, а для арбитражей – соответствующей нормой редуцированного к альтернативе «выбор сторон или выбор арбитража» положения *lex arbitri*.

В этом смысле автономия воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, определяет применимость материального права того или иного государства (включая его принципы, среди которых и принцип свободы договора), а потому она никак не может рассматриваться как проявление гражданско-правового принципа свободы договора или им обосновываться. Автономия воли в международном частном праве как таковая существует и реализуется на совершенно ином этапе – на этапе решения коллизионного вопроса и выбора применимого материального права, когда еще не известно, какой свод материально-правовых норм будет применен (и будет ли и в какой мере в этом своде признаваться какой-либо из материально-правовых цивилистических принципов).

Вместе с тем, соискатель уточняет, что хотя в логическом ряду регулятивного процесса принципы и нормы коллизионного права первичны по отношению к материальному праву, в историческом и догматическом плане они являются надстройкой над материально-правовыми принципам и нормами, так как без коллизии действующей материи частного права разных юрисдикций не возникла бы необходимость в снабжении этой материи коллизинными правилами. Однако несмотря на то, что соглашение о правовом режиме гражданских прав и обязанностей сторон лежит в общей парадигме цивилистической договорной формы, оно не смешивается с иными договорными условиями и сохраняет автономность как в части своего целевого назначения, так и в части своего правового основания.

Сформулированные соискателем выводы теоретического плана также позволяют поддержать разграничение Верховным Судом Российской Федерации

вопросов допустимости и действительности соглашения о применимом праве с отнесением первых к *lex fori*, а вторых – к *lex voluntatis*. Кроме того, исследование свидетельствует о целесообразности внесения изменений в действующее законодательство Российской Федерации.

В частности, предлагается во втором абзаце п. 1 ст. 1186 ГК РФ заменить слово «особенности» на слово «порядок» и в соответствии с реальным положением дел установить: «Порядок определения права, подлежащего применению международным коммерческим арбитражем, устанавливается законом о международном коммерческом арбитраже».

Во втором параграфе «*Форма реализации автономии воли участниками гражданских отношений, осложненных иностранным элементом*» подтверждается исследовательская гипотеза о квалификации соглашения о применимом праве как явления *sui generis*.

Соискатель обосновывает тезис о том, что соглашение о применимом праве представляет собой соглашение *sui generis* и не выступает сделкой по смыслу ст. 153 ГК РФ, потому что как таковое не направлено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Данное соглашение регламентируется, в том числе в вопросах формы, непосредственно и исключительно специальными нормами, санкционирующими автономию воли участников гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

Более того, современный либеральный стандарт соглашений о применимом праве, допускающий как «прямо выраженные», так и «подразумеваемые» соглашения, выводимые из позиций представителей сторон в процессе, ссылок в тексте договора на отдельные гражданско-правовые нормы и даже наличия соглашений о применимом праве между теми же лицами, но в иных договорах, позволяет соискателю заключить, что само понятие «формы» является весьма условным в отношении такого рода соглашений.

Наконец, анализ судебной и арбитражной практики по вопросам признания соглашений о применимом праве подтверждает тезис о равенстве так называемых «форм» этих соглашений, в силу чего «прямо выраженное» письменное соглашение может быть эффективно изменено посредством «подразумеваемого», проявляющегося в позициях сторон (их представителей) в судебном либо арбитражном процессе.

В третьем параграфе «*Содержание соглашения о выборе применимого права участниками гражданских отношений, осложненных иностранным элементом*», завершающем исследование формирования и развития принципа автономии воли в коллизионном регулировании в целом, подтверждается исследовательская гипотеза о тенденции прогрессирующего развития автономии воли как возможности участников гражданского отношения трансграничного характера выбрать для себя наилучшее и наиболее удобное правовое регулирование.

Широчайший размах возможностей, все более признаваемых под эгидой автономии воли, предусматривает свободу конструирования содержания соглашений о применимом праве, использующих любые слова и выражения; определяющих регуляторы для договора в целом или для отдельных его частей;

комбинирующих выбор права любого государства, применение или исключение международных договоров и даже «подключение» правил, рекомендованных «участникам оборота международными организациями». При этом толкование и применение подобных мозаично построенных соглашений, или как А. А. Рубанов именуется депесаж – «юридической биотехнологии», для суда или арбитража – задача зачастую более трудоемкая, нежели обращение к коллизионной привязке, сформулированной по территориальному признаку (как-то, к ст. 1211 ГК РФ, указывающей для договора купли-продажи товаров на право страны основного места деятельности продавца).

Генеральным основанием постулируемой свободы выбора является субъективно оцениваемое сторонами удобство правового режима и конечно же его предсказуемость, позволяющие в совокупности понизить юридические риски вступления в трансграничные частноправовые отношения. Так, стороны могут выбрать право, оптимальное с точки зрения избранного или потенциального форума для урегулирования споров, в том числе при выборе нейтрального форума и соответствующего ему нейтрального права, или же то право, которому известна и которое защищает избранную сторонами договорную конструкцию.

Хотя конкретные мотивы сторон или вообще их отсутствие не имеют юридического значения, в глобальном масштабе они обуславливают формирующуюся регулятивную конкуренцию как между национальными правопорядками (где вряд ли можно игнорировать широту использования английского права в международных сделках), так и с допускающими исключение международными договорами (где Конвенция о договорах международной купли-продажи товаров, с одной стороны, широко востребована, а, с другой, например, исключается в пользу английского права типовой формой GAFTA 49) и даже с негосударственными регуляторами (где достаточно упомянуть, по меньшей мере, Принципы УНИДРУА).

Изложенное позволило соискателю выявить тенденцию прогрессирующего развития автономии воли как принципа коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, и установить, что существование и вектор развития этого принципа определяются вовсе не целью упростить (снять) для суда или арбитража задачу решения коллизионного вопроса, а идеей о дозволении участникам отношений избрать наиболее подходящее для них правовое регулирование, что в конечном итоге, за счет удобного правового поля, будет стимулировать их к участию в трансграничных связях и развивать в целом международный гражданский оборот.

В заключении сформулированы ключевые выводы по всему кругу проблем, рассмотренных в диссертации, которые в совокупности выражают учение об автономии воли как об одном из дихотомически разделяющихся принципов, эффективно действующем в механизме коллизионного регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом.

СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, В КОТОРЫХ ИЗЛОЖЕНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ

Научные статьи в изданиях из МБЦ:

1. Новикова Т. В. Принцип наиболее тесной связи как корректирующая оговорка для договорных правоотношений международного характера // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 403-422.
2. Новикова Т. В. О подходах к осмыслению автономии воли в международном частном праве // Государство и право. 2021. № 6. С. 183-191.
3. Новикова Т. В. Договор международной купли-продажи товаров: принцип автономии воли сторон в документах Гаагской конференции по международному частному праву // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. Вып. 4. С. 972-992.

Научные статьи в изданиях, индексируемых в RSCI:

4. Новикова Т. В. К вопросу об аналогии закона и аналогии права в механизме коллизионно-правового регулирования // Российское правосудие. 2023. № 12. С. 89-95.
5. Новикова Т. В. Обзор перспектив применения доктрины *lex validatis* в рамках принципа наиболее тесной связи в международном частном праве Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 55. С. 127-147.
6. Новикова Т. В. Территориальный подход к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 251-260.
7. Новикова Т. В. Применение судом принципа наиболее тесной связи как общей резервной коллизионной привязки // Российское правосудие. 2021. № 12. С. 34-41.
8. Новикова Т. В. О влиянии концепции «правительственного» интереса Б. Карри на содержание принципа наиболее тесной связи // *Lex Russica*. 2020. Т. 73. № 12 (169). С. 9-19.
9. Новикова Т. В. Иностраный элемент в правоотношении, составляющем предмет международного частного права // Государство и право. 2020. № 2. С. 133-142.
10. Новикова Т. В. Определение судом допустимости и действительности соглашения о применимом праве (в свете разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г.) // Российское правосудие. 2020. № 3. С. 5-13.
11. Новикова Т. В. Автономия воли в Гаагской Конвенции о праве, применимом к агентским соглашениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С. 1205-1223.
12. Новикова Т. В. О закреплении принципа автономии воли в Кодексе Бустаманте // Московский журнал международного права. 2019. № 3. С. 14-21.

Научные статьи в изданиях из перечня ВАК:

13. Новикова Т. В. К вопросу о закреплении принципа автономии воли в законодательстве о международном частном праве (на примере Китайской Народной Республики) // Евразийский юридический журнал. 2024. № 9. С. 58-61.
14. Новикова Т. В. Принцип наиболее тесной связи как фактор формирования содержания коллизионных норм // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 2. С. 77-100.
15. Новикова Т. В. Становление принципа наиболее тесной связи в международном частном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18. № 1. С. 35-46.
16. Новикова Т. В. Коллизионно-правовой режим договора в отношении недвижимого имущества // Власть Закона. 2021. № 1 (45). С. 159-166.
17. Новикова Т. В. Действительность соглашения о применимом праве (в свете разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2019 г.) // Международное публичное и частное право. 2021. № 6. С. 37-39.
18. Новикова Т. В. Истоки признания в отечественном законодательстве автономии воли как принципа международного частного права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 123-130.
19. Новикова Т. В. О проблеме разграничения принципа наиболее тесной связи и обычных коллизионных норм // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 140-148.
20. Новикова Т. В. О толковании терминов «право» и «законодательство» в контексте автономии воли сторон частноправового отношения международного характера // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 151-167.
21. Новикова Т. В. О роли учения Шарля Дюмулена в становлении принципа автономии воли в международном частном праве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 2. С. 20-25.
22. Новикова Т. В. Принцип автономии воли во внедоговорных правоотношениях международного характера // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 289-296.
23. Новикова Т. В. Классификация подходов к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 4. С. 306-316.
24. Новикова Т. В. Формулировка соглашения о применимом праве в контексте допустимости депесяжа: обзор судебной практики // Юрист. 2020. № 5. С. 18-22.
25. Новикова Т. В. К вопросу о понятии правоотношения для целей реализации принципа наиболее тесной связи // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 48-50.
26. Новикова Т. В. Правовой режим формы соглашения о применимом праве // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 5. С. 208-215.

27. Новикова Т. В. О принципе наиболее тесной связи как коллизионной привязке для договора в отношении недвижимого имущества // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 6. С. 41-49.

28. Новикова Т. В. О «гибком» характере принципа наиболее тесной связи // Евразийский юридический журнал. 2020. № 7. С. 75-77.

29. Новикова Т. В. Правовое обоснование допустимости соглашения о применимом праве в международном коммерческом арбитраже // Российское правосудие. 2020. № 7. С. 23-30.

30. Новикова Т. В. Коллизионный и материально-правовой методы международного частного права: соотношение и взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 153-163.

31. Новикова Т. В. Подразумеваемые соглашения о применимом праве: обзор судебной и арбитражной практики // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 5. С. 39-49.

32. Новикова Т. В. К вопросу о природе международного частного права // Теория и практика общественного развития. 2016. № 12. С. 124-127.

Монографии:

33. Новикова Т. В. Принцип автономии воли в международном частном праве. М.: Издательство Российского государственного университета правосудия, 2021. 236 с.

34. Новикова Т. В. Принцип наиболее тесной связи в механизме коллизионно-правового регулирования. М.: Издательство «Статут», 2021. 182 с.

35. Новикова Т. В. § 5 главы I. Принцип наиболее тесной связи в коллизионно-правовом регулировании смешанного договора // Правовое регулирование договорных отношений в России: проблемы и перспективы развития: коллективная монография / под ред. О. Ю. Малкина. СПб.: Издательство «Астерион», 2021. С. 54-69.

Другие издания:

36. Новикова Т. В. Автономия воли в международном частном праве как инструмент стимулирования международного экономического оборота // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 205-220.

Конференции:

37. Новикова Т. В. К вопросу об охранительных правоотношениях в международном частном праве // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 5-й ежегодной междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 21 мая 2016 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Издательство БГУ, 2017. С. 148-157.

38. Новикова Т. В. О системной принадлежности и нормативном составе международного частного права // Развитие и применение международного права и международного частного права: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. (28 марта 2019 г.): сб. ст. / отв. ред. Т. В. Новикова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2019. С. 110-119.

39. Новикова Т. В. Автономия воли в отечественном международном частном праве: историко-правовой анализ // Правоприменительная деятельность: история и современность: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (3 апреля

2019 г.) / ред. коллегия: А. В. Гаврицкий, М. В. Рябова, К. В. Казарян. Ростов-на-Дону: ИП Беспмятнов С. В., 2019. С. 412-415.

40. Новикова Т. В. К вопросу о предмете международного частного права // Развитие и применение международного права и международного частного права: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (5 апреля 2018 г.): сб. ст. / отв. ред. Т. В. Новикова. Краснодар: Издательский дом – Юг, 2018. С. 141-148.

41. Новикова Т. В. К вопросу о становлении принципа автономии воли в международном частном праве Российской Федерации // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы VIII ежегодной междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 20 декабря 2019 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Издательство БГУ, 2020. С. 46-51.

42. Новикова Т. В. О принципе *qui elegit iudicem, elegit jus* в коллизионном регулировании Российской Федерации и Европейского Союза // Развитие и применение международного права и международного частного права: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (26 марта 2020 г.): сб. ст. / отв. ред. Т. В. Новикова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2020. С. 107-112.

43. Новикова Т. В. О становлении принципа автономии воли в сфере вещных прав на движимое имущество в международном частном праве Российской Федерации // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования: материалы Национальной науч.-практ. конф., посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 90-летию со дня рождения д.ю.н., профессора, академика Академии социальных наук РФ, заслуженного юриста Республики Башкортостан Марка Семеновича Орданского (г. Уфа, 10-11 апреля 2020 г.). В 2-х ч. Ч. I. Уфа: Редакционно-издательский центр БашГУ, 2020. С. 223-226.

44. Новикова Т. В. Автономия воли сторон договорных правоотношений международного характера в Основах гражданского законодательства 1961 года и ГК РСФСР 1964 года: историко-правовой анализ // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы IX ежегодной междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 3 декабря 2020 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Издательский дом БГУ, 2021. С. 90-95.

45. Новикова Т. В. Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве стран СНГ // Развитие и применение международного права и международного частного права: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. (25 марта 2021 г.): сб. ст. / отв. ред. Е. Л. Симатова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2021. С. 116-122.

46. Новикова Т. В. К вопросу о принципах международного частного права // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы X ежегодной междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся в рамках II Байкальского юридического форума (г. Иркутск, 23-25 сентября 2021 г.) / отв. ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Издательский дом БГУ, 2021. С. 98-103.

47. Новикова Т. В. Корректирующая оговорка в регулировании договорных правоотношений с иностранным элементом // Право и бизнес: обеспечение баланса правовых интересов предпринимателей, потребителей и государства: сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 3 июня

2021 г.). М.: Издательство Российского государственного университета правосудия, 2022. С. 85-92.

48. Новикова Т. В. О познавательной ситуации в сфере принципов международного частного права // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета (г. Уфа, 22 апреля 2022 г.) / отв. ред. Е. В. Ахтямова. Уфа: Редакционно-издательский центр БашГУ, 2022. С. 208-212.

49. Новикова Т. В. Об общих принципах международного частного права // LegalTech: научные решения для профессиональной юридической деятельности: сб. докладов IX Московского юридического форума: в 4 ч. Ч. 2. М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 279-283.

50. Новикова Т. В. Об автономии воли сторон и наиболее тесной связи как необходимых и достаточных принципах коллизионно-правового регулирования // Развитие и применение международного права и международного частного права: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. (31 марта 2022 г.): сб. ст. / отв. ред. Е. Л. Симатова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2023. С. 47-53.

51. Новикова Т. В. К вопросу о принципах правотворчества и правоприменения в международном частном праве // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 11-й ежегодной междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 20-23 декабря 2022 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Издательский дом БГУ, 2023. С. 50-56.

52. Новикова Т. В. Проблемы формулировки условия о применимом праве в договорах трансграничного характера // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 16 февраля 2023 г.) / Редколлегия: А. З. Афаунов, И. К. Харитонов, А. А. Цвилий-Букланова и др. Краснодар: Издательство Краснодарского университета МВД России, 2023. С. 85-89.

53. Новикова Т. В. К вопросу о правовом режиме сделки с «недружественным» элементом // III Междунар. междисциплинарный науч.-практ. конгресс «Актуальные проблемы международного частного права / Private International Law Issues» (16-17 апреля 2024 г., г. Москва): сб. ст. / под ред. Б. А. Шахназарова. М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 36-38.

54. Новикова Т. В. Нормы непосредственного применения в контексте принципов коллизионного регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы XIII ежегодной междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 13 сентября 2024 г.) / под ред. Ю. В. Виниченко. Иркутск: Издательский дом БГУ, 2024. С. 90-96.

Новикова Татьяна Васильевна
(Российская Федерация)

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА АВТОНОМИИ ВОЛИ
В КОЛЛИЗИОННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ**

Исследованы истоки формирования и закономерности развития и разработана концепция автономии воли как элемента бинарной системы принципов коллизионного регулирования, дихотомически разделяющейся на принцип автономии воли и принцип наиболее тесной связи; проанализирована конкретизация принципа автономии воли в системе управомочивающих норм, предоставляющих сторонам в определенных случаях и пределах возможность выбрать применимое право; определены правовые механизмы реализации автономии воли в системе принципов коллизионного регулирования, в соотношении с унифицированным материально-правовым регулированием и ограничениями применения иностранного права; обоснована авторская модель автономии воли, в которой разграничены ее статика и динамика в механизме коллизионного регулирования. Автором проанализированы положения международных договоров и документов рекомендательного характера, отечественные и зарубежные нормы национального права, материалы практики судов и арбитражей, а также научные труды, отражающие отечественные и зарубежные подходы и обуславливающие формирование и прогрессивное развитие принципа автономии воли в международном частном праве.

Novikova Tatiana Vasilyevna
(Russian Federation)

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF PARTY AUTONOMY PRINCIPLE
IN CONFLICT OF LAWS REGULATION FOR CIVIL RELATIONS
WITH FOREIGN ELEMENT**

The dissertation includes a research of party autonomy early stages and development patterns and advances a comprehensive concept of party autonomy as an element of binary system of conflict of laws principles dichotomically dividing into party autonomy and the closest connection; provides an analysis of party autonomy principle embodiment in a system of empowering rules which grant parties the possibility to choose applicable law for certain relations and under certain conditions; defines legal mechanisms for party autonomy implementation in the framework of conflict of laws principles with regard to unified substantive legal regulation and limitations on foreign law application; provides the author's model of party autonomy by differentiating between its statics and dynamics in conflict of laws regulation. The author made an analysis of international treaties and soft law instruments provisions, Russian and foreign norms of national law, judicial and arbitral tribunals' practice, as well as doctrine reflecting Russian and foreign approaches and determining formation and progressive development of party autonomy in Private International Law.